

Юрий
БЕЗЕЛЯНСКИЙ

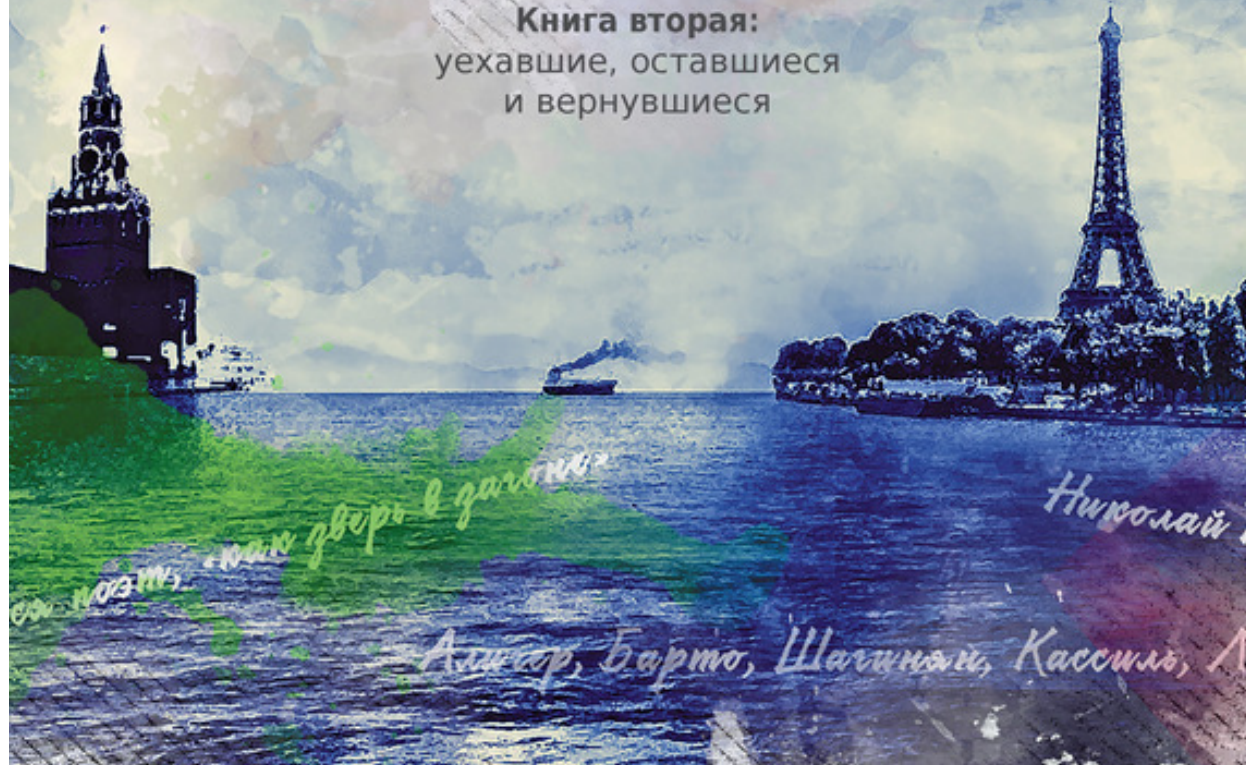
«Всем на Божью»

И ПЛЕСК ЧУЖОЙ ВОДЫ

Владимир Савинков — всадник

Русские поэты и писатели
вне России

Книга вторая:
уехавшие, оставшиеся
и вернувшиеся

«...поэты, как зверь в загоне»

Николай

Александр, Барто, Шагинян, Кассиль, А

Русские поэты и писатели вне России

Юрий Безелянский

**И плеск чужой воды... Русские
поэты и писатели вне России.
Книга вторая. Уехавшие,
оставшиеся и вернувшиеся**

«У Никитских ворот»

2017

УДК 882.0
ББК 83

Безелянский Ю. Н.

И плеск чужой воды... Русские поэты и писатели вне России.
Книга вторая. Уехавшие, оставшиеся и вернувшиеся /
Ю. Н. Безелянский — «У Никитских ворот», 2017 — (Русские
поэты и писатели вне России)

ISBN 978-5-00095-394-5

Продолжение книги «Отечество. Дым. Эмиграция» о судьбе русских поэтов и писателей после революции 1917 года. О тех, кто уехал, кто вернулся и кто остался, став советским литератором. Удивительные судьбы Бориса Савинкова, Василия Шульгина, Ахматовой, Мандельштама, Пастернака, Алексея Толстого, князя Святополка-Мирского и многих-многих других. Почти детективные и трагические страницы. Депортации, побег, аресты, ссылки, ГУЛАГ, жесткая критика и Сталинские премии... Книга носит универсальный характер: это и библиографический справочник, и жизнеописание, и комментарии к судьбе. При подготовке использовались документы, материалы из прессы, мемуары, письма, стихи, воспоминания. И в тексте как бы сливаются два потока: история СССР и история советской литературы. Героический труд, пафос, пропагандистская ложь, нелегкая жизнь народа. И особо выделяется тема «Художник и Власть». Творческая жизнь интеллигенции в 20–50-х годах. Книга рассчитана на любознательных читателей, которые хотят знать, КАК ЭТО БЫЛО.

УДК 882.0
ББК 83

ISBN 978-5-00095-394-5

© Безелянский Ю. Н., 2017

© У Никитских ворот, 2017

Содержание

Введение в книгу и объяснение с читателем	6
1900–1909	9
1910–1919	11
Правители новой России	14
Бабушка русской революции	21
Краткая галерея политических деятелей	23
1920–1929	28
Мадам Кускова, осмеянная Владимиром Маяковским	31
Забывтый Кусиков	34
Борис Савинков – всадник революции	37
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Юрий Безелянский

И плеск чужой воды... Русские поэты и писатели вне России. Книга вторая: уехавшие, оставшиеся и вернувшиеся

Введение в книгу и объяснение с читателем

*Мы – кто сгинул, кто выжил.
Мы – кто в гору, кто с горки.
Мы – в Москве и Париже,
В Тель-Авиве, Нью-Йорке.
Мы – кто пестовал веру
В то, что миру мы светим,
Мы – кто делал карьеру
И кто брезговал этим.
Кто, страдая от скуки
И от лжи, – все ж был к месту,
Уходя то в науки,
То в стихи, то в протесты...*

Наум Коржавин. Письма причастности (1981–1982)

Ты, страна моя, радость и горе...

Александр Кушнер («Новый мир», 1, 2008)

Немного о себе, горемычном. Я родился в 1932 году, и, соответственно, я – советский человек, жил в СССР, учился в советской школе и в советском вузе, читал советские газеты, слушал советское радио, служил в советских учреждениях, ходил на октябрьские демонстрации, нес однажды даже портрет какого-то члена Политбюро...

Пионером не был, но в комсомоле побывал, ну и в рядах партии (что поделать? Надо было лезть по служебной лестнице). Поначалу был, как и все, пропитан советской идеологией, как пропитан ромом бисквит у хорошей хозяйки. И почти не сомневался, что «Великая Октябрьская социалистическая революция впервые в истории человечества свергла господство эксплуататоров и установила диктатуру пролетариата, создала новый тип государства – советское социалистическое государство – высшую форму демократии...» (БСЭ, 1953).

Государство каждому пыталось вбить в голову мифы и легенды о советском обществе – о его рождении, создании и процветании, а параллельно втягивало в головы, что мы окружены со всех сторон враждебными странами и надо непременно бороться с «врагами народа». Такая вот немудрящая идеологема.

Но это не все. Характерный штрих. В 1952-м был подписан к печати 16-й том БСЭ – до сих пор помню! – в статье «Живопись» утверждалось, что импрессионизм – развлекательная живопись, уводит от прогрессивных социальных задач. И что «главная тема советской живописи – жизнь и деятельность вождей советского народа Ленина и Сталина и их ближайших соратников, героическая история родины, победы советской армии и флота, счастливая жизнь

и культурный рост советских людей, дружба народов СССР и борьба за мир и светлое будущее...»

От таких утверждений и установок хочется рыдать от счастья, недаром Маяковский свидетельствовал в стихах, что «радость прет» и что «жизнь прекрасна и удивительна», и выражал уверенность, что «год от года расти нашей бодрости».

Грандиозная лапша на уши! Бодрости выше крыши. И что удивительно сегодня: большинство советских людей в ЭТО верило!..

Не имею права говорить за весь советский народ, но мое личное прозрение и понимание, что к чему, пришло с возрастом и опытом, а также с чтением разных аналитических книг и со знакомством с историческими документами. И, конечно, во многом научился разбираться, когда работал пропагандистом на Иновещании Московского радио и знакомился с материалами под грифом «Для служебного пользования». И в 70-х годах мне все яснее становилось, «кто из ху», где яркая пропагандистская упаковка, а где скрыта истинная правда, мотивы и цели. Где лапша и где соль...

С 1992 года я вел исторические колонки в различных газетах и журналах. Потом вышли книги: «От Рюрика до Ельцина. Хроника российской истории» (1994), «5-й пункт, или Коктейль “Россия”» (2000), «Огненный век. Российская панорама XX века» (2001). На историческом фоне российской жизни написаны все книги из серии мини-ЖЗЛ, литературные портреты «99 имен Серебряного века» (2007), «Опасная профессия: писатель» (2013) и другие.

И вот новая подтема: ЭМИГРАЦИЯ. Власть, как на Руси, в Российской империи, так и при советской власти и после развала СССР, всегда негативно относилась к тем, кто покинул родину и уехал на Запад. Определения были разные: беглецы, эмигранты, беженцы, изменники, предатели, белогвардейцы и т. д.

А кто был первым среди бежавших? Русский князь **Андрей Михайлович Курбский** (1528–1583). В Энциклопедическом словаре (1954) Андрей Курбский представлен как «крупный боярин», который в 1564 году изменил родине и бежал в Литву. Идеолог реакционной феодальной знати. Вел полемическую переписку с Иваном IV.

Андрей Курбский – первый перебежчик, беглец, диссидент, инакомыслящий. А дальше пошли и поехали: Герцен с «Колоколом» и Бакунин на революционных баррикадах.

Литератор, мыслитель и революционер **Александр Герцен** покинул Россию в 35 лет. Прожил на Западе 22 года, но так и не прижился там, оставаясь душой и мыслями в России, которую любил и вместе с тем резко критиковал, разумеется, не саму Россию, а режим самовластья:

«Россия могла быть спасена путем развития общинных учреждений или установлением самодержавной власти одного лица. События сложились в пользу самодержавия. Россия была спасена: она стала сильной, великой – но какой ценой? Это самая несчастная, самая поработанная из стран земного шара; Москва спасла Россию, задушив все, что было свободного в русской жизни...» («О развитии революционных идей в России». 1850).

...Когда я задумал книгу об эмиграции – русские поэты и писатели вне России, – мне казалось, что можно уложиться в один толстенький том. Но книга «Отечество. Дым. Эмиграция» о первой послереволюционной волне эмиграции – от Ивана Бунина до Ивана Елагина – едва уместилась на 400 с чем-то страницах, да и то с неполным списком имен. А была еще вторая. Послевоенная волна эмиграции из так называемых перемещенных лиц. А затем третья волна, начиная с 60-70-х годов. Особняком стоят Троцкий, Раскольников, Солоневич... Всех и не перечислишь. Кто сбежал тайком, кто просто был вынужден уехать, опасаясь ареста и преследований, кто задыхался в душных объятиях советской системы, кто уехал по национальной причине – евреи из-за неприятия антисемитизма. Все эти группы уехавших вошли во вторую книгу об эмиграции – «И плеск чужой воды...».

Но книга не только о тех, кто уехал из СССР и новой России, но и о тех, кто не захотел расстаться с отчим домом, хотя имел возможность покинуть его, – Анна Ахматова, Осип Мандельштам, Исаак Бабель, Борис Пастернак и многие другие. Представлены и возвращенцы, те, кто сначала покинул страну, а потом вернулся, – Максим Горький, Андрей Белый, Алексей Толстой, Святополк-Мирский, Вергинский и т. д. Специальная глава «Туда-сюда-обратно» посвящена счастливицам, которым было дозволено в советские времена посещать Запад. Упомянуты и те, кто боролся за свободу, за права человека и в этой борьбе «пал смертью храбрых» – в тюрьме, лагере, психушке...

Короче, горькая и печальная книга, как и история нашей великой и несчастной для отдельных граждан страны. Вполне допускаю, что кто-то сразу ее отложит, зачем печалиться, когда можно радоваться жизни, фоткаться на память и лайкать в сетях. Ничего не навязываю. Каждому – свое. А автору книги близка историческая память, и он, то бишь я, прислушивается к плеску чужой воды и бережно листает книгу судеб многих замечательных людей, у которых не сложились отношения с родиной, нет, скажем точнее: с режимом и властью.

И с чего начать книгу? С маленькой исторической панорамы...

3-10 июля 2016 года

1900–1909

*Двадцатый век... еще бездонней,
Еще страшнее жизни мгла...*

Александр Блок

XIX век почил в бозе. Вступил в свои права век XX. Железный. Жестокий. Жаркий. Пламенный по накалу и ураганный по событиям. Политическая жизнь России закипела. 11 (24) декабря 1900 года в Лейпциге вышел первый номер газеты «Искра», выражающей взгляды группы революционеров: Ленин, Мартов, Потресов, Плеханов, Аксельрод, Засулич. Кто знал тогда, что из «Искры» возгорится пламя и в огне погибнет старая Россия? В мае 1901 года в Петербурге произошла первая стычка рабочих Обуховского завода с полицией и солдатами. Демонстранты несли транспарант с лозунгом «Долой самодержавие».

В том же 1901 году была организована партия социалистов-революционеров (эсеров), которая для достижения своих целей провозгласила террор – «путем террора вызвать подъем духа в обществе». «Боевую организацию» эсеров сначала возглавлял Гершуни, потом Азеф, знаменитый провокатор, антигерой начала XX века. В феврале 1901-го убит министр просвещения Боголепов. Потом последовала череда убийств высших правительственных чиновников: Сипягина, Плеве, московского генерал-губернатора великого князя Сергея Александровича. Российское общество расколото: одни сочувствовали революционерам, другие ужасались пролитой крови.

В первые годы десятилетия экономику России лихорадило. А тут еще неурожай, аграрные волнения, кризис в промышленности. Нарастает забастовочное движение: в октябре 1905-го в России бастовало полтора миллиона человек.

1905-й был особенно трудным. На арене – еще один провокатор, Георгий Гапон, предложивший план мирного шествия рабочих к царю с просьбой об удовлетворении их нужд. В ответ – выстрелы. Эхо «кровавого воскресенья» отозвалось по всей империи. В мае 1905-го в Иваново был образован первый Совет, который продержался 65 дней. В декабре грянуло вооруженное восстание в Москве. Уличные бои прошли в районе Пресни («Бульжник – оружие пролетариата»).

22 апреля (10 мая) 1906 года открылась 1-я Дума. Она просуществовала всего 73 дня, оказалась неудобной и даже буйной. Юмористы изощрялись:

Как на рубище заплаты,
Вдруг явились две палаты.
Торжествуй же, храбрый росс!
Только вот один вопрос:
Будет ли ума палата?
Это, кажется, сверх штата...

В начале XX века крутилась кадровая карусель. На посту председателя Совета министров Витте поменяли на Горемыкина, а того – на Столыпина. Казалось бы, граф Сергей Витте много сделал для России (стабилизировал рубль, реорганизовал промышленность и сельское хозяйство, во многом предвосхитил реформы Столыпина), но, увы, в России не любят реформаторов, и Витте убрали. Свою деятельность на посту премьера Петру Столыпину пришлось начать не с реформ, а с военно-полевых судов, а уж затем проводить свои земельные новшества.

В начале века окончательно оформилось черносотенство. В апреле 1903 года последовали еврейские погромы в Кишиневе, затем в Одессе. Дымок вандализма потянулся над Россией. Стали грабить и сжигать помещичьи усадьбы. Под давлением обстоятельств Николай II принимает в 1905 году указ «Об усовершенствовании государственного порядка», в котором обещает народу «незыблемые основы гражданской свободы». Как ни странно, Манифест 17 октября еще больше всколыхнул российское общество, брожение в нем пошло еще сильнее. «...И вот пришла вожделенная пора, конституция... Простолюдин-революционер... голодал до 17 октября, но, увы, и после 17 октября будет голодать...» – писал Василий Розанов.

Все негодовали, спорили, возмущались. Один лишь император был спокойным. В дневнике 28 октября 1905 года Николай II записывал: «Стоял тихий хороший день, к вечеру вышло солнце и стало подмораживать. Докладов не было...»

Еще одна напасть начала века: Русско-японская война. Бездарная и проигранная. Порт-Артур, Мукден, Цусима... Только под Мукденом русские войска потеряли 12 генералов, 2410 офицеров и 87 577 нижних чинов. Тупость начальников, поголовное воровство интендантов... Как писал Саша Черный:

От русского флота остались одни адмиралы,
Флот старый потоплен, а новый пошел по карманам...

А еще в России происходили разные природные катаклизмы. 16 июня 1904 года по Москве прошел ураган огромной силы, срывало крыши и купола. В апреле 1908-го разбушевалась вроде бы спокойная Москва-река и устроила великое московское наводнение. Ну и, конечно, загадочное падение Тунгусского метеорита (1908).

Но худо-бедно империя двигалась вперед. В 1902 году закончилось сооружение Великой сибирской магистрали. В 1909-м собрали исключительно богатый урожай: Россия вышла на первое место в мире по производству зерна и на одно из первых – по экспорту. Наступил период ускоренного промышленного роста. Как следствие – море разнообразных товаров и услуг. Но, разумеется, не для всех. Масса людей оставалась недовольной царем, порядками, и, как писал Александр Блок,

В те годы дальние, глухие
В сердцах царили сон и мгла:
Победоносцев над Россией
Простер совиные крыла...

Впрочем, что валить все беды на одного человека? Константин Победоносцев, обер-прокурор Синода, умер 10 марта 1907 года. Ну и что? Разве после его ухода стало легче? Нет, тут надо отметить другое: российская интеллигенция мрачно пророчествовала и жаждала «невиданных перемен и мятежей». И она их дождалась.

Но пока – идет первое десятилетие XX века, и это не только революционное брожение и потрясения, а еще и плодотворный период развития русской культуры: «Три сестры» и «Вишневый сад» Чехова, «Стихи о Прекрасной даме» Блока, сборник «Пепел» Андрея Белого; выставка икон и картин русских художников, организованная Сергеем Дягилевым, и им же представленные «Русские сезоны», которые покорили Париж; Анна Павлова, Федор Шаляпин, Валентин Серов, Михаил Врубель, Николай Римский-Корсаков... Воистину-Серебряный век!

1910–1919

*Самолюбие и злоба – из этого смешана вся революция.
Василий Розанов. Опавшие листья, 1915*

Ваше слово, товарищ маузер!

Владимир Маяковский

Что выделить в истории предвоенной и предреволюционной России? Набирал темпы капитализм. В 1912 году был шумно отпразднован столетний юбилей Отечественной войны 1812 года. На Чистых прудах в Москве в спешном порядке открыли Бородинскую панораму. В 1913-м – юбилей дома Романовых: 21 февраля исполнилось 300 лет со дня избрания на царствование Михаила Романова. Роскошные альбомы, торжественные молебны, встреча Николая II с «общественностью»...

Пышные праздники чередовались с громкими скандалами. Таким скандалом стало дело Бейлиса, обвиненного в ритуальном убийстве ребенка. Это позорное дело началось в 1911 году, а окончилось осенью 1913-го. Золотая жила для газетчиков. Бейлисиада! Общество разделилось на две неравные стороны: на одной, малочисленной, – отъявленные антисемиты, черносотенцы, на другой – цвет русской культуры и науки (Короленко, Вернадский, Куприн, Блок, Леонид Андреев, Горький, Немирович-Данченко...). Присяжные (крестьяне, служащие, чиновники) вынесли вердикт: Бейлис невиновен!

Другой скандал постоянно подогревался вокруг «божьего человека» Григория Распутина. «Когда Распутин черной тенью стоял около престола, негодовала вся Россия», – отмечал в мемуарах князь Феликс Юсупов. Аристократ Юсупов и черносотенец Пуришкевич объединились в заговоре против «старца». Распутин был убит 17 декабря 1916 года. А пятью годами раньше, 1 сентября 1911 года, прозвучал выстрел Богрова, оборвавшего жизнь российского реформатора, премьер-министра Петра Столыпина.

За шесть лет во втором десятилетии XX века в России сменилось шесть премьер-министров: вместо убитого Столыпина пост руководителя правительства занял граф Владимир Коковцев (кстати, он ввел монополию на водку), в 1914 году

Коковцева сменил «добрый старый» Иван Горемыкин, затем – Штюрмер, Трепов и, наконец, последний царский премьер князь Голицын.

Но никакой премьер-министр уже не мог удержать в узде страну, которая скатывалась к революции, и этому скатыванию очень поспособствовала Первая мировая война. Она была начата Германией 19 июля (1 августа) 1914 года и длилась 4 года и 11 месяцев, принесла неисчислимы бед и жертвы. Война разрушила фундамент российской империи и революционизировала солдатские массы. От войны к смуте, оказалось, рукой подать.

В критический для России момент Николай II фактически отдал трон и власть без боя, подписав свое отречение 2 марта 1917 года. По стране широким половодьем шла Февральская революция. На гребень ее был вознесен Александр Керенский, но и для него ноша власти оказалась непосильной. Проницательная Зинаида Гиппиус писала: «Керенский – вагон, сошедший с рельс. Вихляется, качается, болезненно, и – без красоты малейшей. Он близо***онцу...»

Совсем иные качества продемонстрировали большевики – Ленин, Троцкий, Свердлов, Дзержинский и компания. Без всяких комплексов они сумели взять обессиленную Россию за горло и совершили свой контрреволюционный переворот 25 октября (7 ноября) 1917 года. Российская империя осталась позади, в истории, а впереди засияла и засверкала советская Россия,

государство рабочих и крестьян (в том, что это всего лишь красивый миф, народ разобрался, когда уже поздно было что-либо изменить).

Большевики вызвали к жизни самые темные инстинкты людей, позволяли им беспрепятственно творить зло. Яркий пример: убийство царской семьи в ночь с 17 на 18 июля

1918 года. Но убивали не только особ царской фамилии. Они отправляли на тот свет всех, кто мешал и казался чужим. Большевики-коммунисты воплотили в кровавую явь тезис Сергея Нечаева: «Нравственно все, что способствует торжеству революции. Безнравственно и преступно все, что мешает ему...» На историческую арену вышли предугаданные великим Достоевским бесы. Кровавым палачом молодой советской республики стал организатор ЧК, позднее ВЧК, Феликс Дзержинский (читайте Мельгунова, Романа Гуля – там все расписано до деталей).

Позднейшие советские историки напишут, что новая власть триумфально прокатилась по стране. Ничего подобного! Все завоевания давались с боем и кровью. Это было действительно красное кровавое колесо, прокатившееся по России, – братоубийственная война, сотни тысяч погибших. А еще сотни тысяч вынуждены были искать прибежища на чужбине.

12 января 1919 года в печати появился «Левый марш» Владимира Маяковского.

Тише, ораторы!
Ваше слово,
товарищ маузер!

Последний демократический орган – Учредительное собрание – в начале января 1918 года был разогнан, а демонстрации в его поддержку рассеяли и расстреляли. Отныне никакой демократической «говорильни». В молодой советской республике закладываются основы тоталитарной системы, которая именуется диктатурой пролетариата.

Из частушек тех лет:

Сидит Троцкий на заборе,
Ленин выше, на ели.
До чего же вы, товарищи,
Россию довели!

В 1918 году оглушает всю русскую интеллигенцию поступь «Двенадцати» Александра Блока:

Мы на горе всем буржуям
Мировой пожар раздуем!..

И вообще:

Товарищ, винтовку держи, не трись!
Пальнем-ка пулей в Святую Русь —
В кондовую,
В избяную,
В толстозадую!..

И, конечно, «пальнули».

В заключение приведем отрывок из главы «Октябрь» романа Михаила Осоргина «Сивцев Вражек» (1928):

«...Но снега все не было. А летали в те дни над Москвой свинцовые шмели, вдоль улиц, поверх крыш, из окон, снаружи в окна. И кидались люди страшными мячиками, от взрыва которых вздрагивали листы железа на особнячке Сивцева Вражка...

...То, чему быть надлежало, решала случайность да веселая пуля... или был сумбур и склока людей, которые всегда правы и которые побеждают только тогда, когда идут не рассуждая и без мысли. Но то и было страшно, что под воздушным сводом пуль и шрапнели клубилась, блуждала и путалась мысль, только вчера вылезшая из черепных коробок, – спорила, терялась, отчаивалась, догадывалась и путалась в нитях чужой мысли.

Победить должен был тот, кто привык не думать, не взвешивать, не оценивать и кому терять нечего. Он и победил...»

* * *

А теперь первая персональная главка о правителях новой России после падения царского режима. О Керенском и Ленине. Любопытно, что оба они побывали в эмигрантской шкуре. Ленин с 1900 года жил за границей – в Мюнхене, Лондоне, Женеве, Берне, Цюрихе – 17 эмигрантских лет. А Керенский эмигрировал из России в мае 1918 года. Берлин, Париж, США. Прожил за границей полжизни – 52 года.

Ну а теперь предлагаю читателю свое старое, но отнюдь не устарелое эссе, напечатанное в газете «Московская правда» и предназначенное для книги о России (та книга так и не дошла до издательства), но попавшее в эту, об эмиграции.

Правители новой России

Мы живем в мире мифов. Миф – это не реальность, а созданная иллюзия реальности. Другими словами, дутая, лживая реальность. Или, как выразился с французской элегантностью Жан Кокто, «миф – это ложь, которая становится правдой».

Вся история России XX века – сплошная мифология. И в ней два мифологических героя, связанных событиями 1917 года, – Владимир Ленин и Александр Керенский.

Миф о Ленине

В 1924 году в альманахе «Круг» появились немудрящие стихи Сергея Есенина о Ленине:

Застенчивый, простой и милый,
Он вроде сфинкса предо мной.
Я не пойму, какую силой
Сумел потрясть он шар земной?
Но он потряс...

Что он «потряс» – это не миф, а грозная реальность. А вот «застенчивый, простой и милый» – чистая мифология. А террор? А отношение к дворянам, интеллигенции, священное-лужителям и крестьянам? А?! И этих «А!» – сотни. Но созданный десятилетиями миф о простом и гениальном Ленине работает бесперебойно.

А мы о Ленине. Вот именно.
А мы о Ленине, о нем.
Мы вырастаем с этим именем
И с этим именем живем...

Это уже 1981 год – столетие вождя – строки Марка Лисянского. Казалось бы, столько материалов опубликовано, столько книг издано о подлинной роли в истории России Ленина (и не только о немецких деньгах), а он, Ленин, остается неразвенчанным в своей пролетарской кепке и указывает куда-то рукой чуть ли не в каждом российском городе. Неумирающий миф неживого обитателя Мавзолея.

Исторический парадокс: день рождения Ленина принято отмечать по новому стилю 22 апреля, а именно 22-го по старому родился Керенский (если по новому, то 4 мая). Разница в возрасте: Ленин был старше Керенского на 11 лет.

Миф о Керенском

Небылицы и апокрифы, гимны и хула о нем существовали еще до советской власти. Так, язвительный Виктор Буренин в августе 17-го писал:

Что вы такое? Хлестакова
Племянник или внук родной,
Из адвокатишки плохого
Прыгнувший к власти временной?
Пустили вас за стол – и ноги

Уж вы на стол готовы класть:
Вы влезли в царские чертоги,
Чтобы возвысить вашу власть;
Демократическою шваброй,
Как скипетром, вооружась,
Вы полны абракадаброй
Избитых, пошло-красных фраз...

И так далее. Упрек за упреком: «Порядка развинтивши гайки...». А все недовольство потому, что Керенский не оправдал больших надежд, которые были связаны с его именем. Его считали идеалом свободного гражданина и надеялись, что он принесет на блюдечке всем и каждому свободную и сытую жизнь. Илья Репин рисовал его портрет и считал Керенского гениальным. «Керенский не только сам горит – он зажигает все кругом священным огнем восторга, – писал Немирович-Данченко. – Слушая его, чувствуешь, что все ваши нервы протянулись к нему и связались с его нервами в один узел. Вам кажется, что это говорите вы сами, что в зале, в театре, на площади нет Керенского, а это вы перед толпою, властитель ее мыслей и чувств. У нее и у вас одно сердце, и оно сейчас широко, как мир, и, как он, прекрасно».

Керенский действительно выступал магнетически. Актриса Софья Гиацинтова вспоминала, что видела выступление Керенского в Большом театре, где он говорил о необходимости войны до победного конца, и в конце пламенной речи – «на нужды армии дамы снимали кольца, браслеты, цепочки, плакали и забрасывали Керенского цветами...»

А вот отнюдь не дама, а молодой поэт Леонид Каннегисер (который позднее убьет большевика Урицкого) восклицал:

И если, шатаясь от боли,
К тебе припаду я, о мать,
И буду в покинутом поле
С простреленной грудью лежать,
Тогда у блаженного входа,
В предсмертном и радостном сне,
Я вспомню – Россия, Свобода,
Керенский на белом коне.

Но не дал Александр Керенский свободы, точнее, дал, но лишь на короткий исторический миг. А далее не смог остановить «железный поток» большевизма, – прощай, свобода, как в одном популярном романсе, «на долгие года!». Керенский вынужден был покинуть историческую сцену, а его образ в народной памяти уж постарались измазать грязью. И одним из первых в литературе был Владимир Маяковский, который в поэме «Хорошо!» изгалялся над Керенским, что, мол, «глаза у него бонапартьи». И далее:

Слова и слова. Огнесловная лава.
Болтает сорокой радостной...

В 1937 году Михаил Зощенко писал о Керенском: «...В своем физическом облике он был сын своего времени – типичный представитель дореволюционной интеллигенции: слабогрудый, обремененный болезнями, дурными нервами и неуравновешенной психикой. Он был сын и брат дореволюционной мелкобуржуазной интеллигенции, которая в искусстве создала декаденство, а в политику внесла нервозность, скептицизм и двусмысленность».

А в Энциклопедическом словаре (1954) без всяких словесных пируэтов определено: «Глава буржуазного контрреволюционного Временного правительства в 1917, эсер, прислужник империалистической буржуазии, проводивший ее политику... ярый враг Советской власти. Белоэмигрант». И во всех изданиях и публикациях яркая, запоминающаяся деталь: бежал из Гатчины в женском платье. Хотя на самом деле Керенский не бежал, а скрывался от преследования большевиков. Не молчал, а пытался докричаться до народа: «Шайка безумцев, проходимцев и предателей душит свободу. Опомнитесь!.. Это говорю я – Керенский...» Не услышали. Зато обольщение вызвали ленинские декреты «О мире» и «О земле» (земле, которую так и не дали!).

В итоге Ленин оказался победителем, Керенский – проигравшим. Отсюда знаменитое: победителей не судят! И, как говорили древние, горе проигравшим! Зинаида Гиппиус в своих мемуарах оценивала Керенского как «фатального человека», «слабого» и «очень, очень, весьма несчастного».

Ленин в письме к Инессе Арманд: «Керенский – революционер, но пустомеля, лгунишка, обманщик рабочих».

В 1987 году, к 70-летию Октября, в Нью-Йорке вышла книга советолога Эбрахама «Александр Керенский: первый любимец революции». В ней утверждалось, что «любимец революции» потерпел поражение от соратников Ленина потому, что был «мягче» их, «этичней», «нерасторопней»... Сам Керенский признал в одном из интервью: «Ход истории неизбежен. Ленину было суждено победить».

Мистическая связь Ленина и Керенского

Керенский родился 22 апреля (4 мая) 1881 года в Симбирске – нынешнем Ульяновске. Одиннадцать лет спустя после Ленина. Оба учились в одной и той же гимназии, а их отцы дружили: директор этой гимназии Федор Керенский и директор народных училищ Илья Ульянов, оба действительные статские советники и потомственные дворяне. Их сыновья Ленин и Керенский (по образованию юристы) с головой ушли в политику. Ульянов стал большевиком, Керенский – эсером. Как отмечал Керенский: «Мы принадлежали к двум разным поколениям. Лицейские и университетские годы Ленина приходятся на 80-е годы, эпоху реакции, когда российская молодежь начала увлекаться доктриной западного материализма, марксизма. Я же начал свою политическую жизнь в начале двадцатого века, когда молодежь в России больше интересовалась духовными поисками, стала разочаровываться в классических доктринах Канта и Маркса. В этом главная разница между двумя нашими поколениями».

Два разноплановых и непримиримых политика, один ратовал за либеральные ценности, другой выступал за революционные потрясения, и каждому выпала честь возглавить правительство России. И каждый по очереди скрывался от другого: вначале Ленин, опасаясь ареста, в Разливе, затем Керенский – в Луге. Между ними были какие-то мистические параллели и почти прямые связи. Керенский выступал защитником на судебном процессе над думскими депутатами-большевиками. Будучи министром Временного правительства, Керенский 3 марта 1917 года распорядился освободить с Нерчинской каторги группу известных террористов. В их числе была и Фанни Каплан.

Оба – и Ленин, и Керенский – были блестящими ораторами. Вместе с тем многое их разделяло. Керенский был верующим, а Ленин – атеистом. Ленин прославился жестокостью к своим врагам, а Керенский – излишней мягкостью. Уже в эмиграции, осмысливая прошлое, Керенский отмечал: «Ленин был сторонником беспощадного террора без малейшего снисхождения. Только так меньшинство может навязать свою власть большинству, стране...» Керенский на посту премьера России не проявил жестокости – и проиграл...

От Февраля к Октябрю

27 февраля 1917 года в России произошла Февральская буржуазная революция, которая вызвала, особенно в интеллигентских кругах, бурю восторга.

Долой вчерашняя явь злая:
Вся гнусь! Вся низость! Вся лукавь!
Да здравствует иная явь!
Да здравствует народ весенний,
Который вдруг себя обрел!
Перед тобой клоню колени,
Народ-поэт! Народ-орел! —

писал, ликуя Игорь Северянин. Но народ был безлик, а на виду гарцевали новые политики, новые лидеры, новые вожди, и среди них в первых рядах Александр Федорович Керенский. Он буквально купался в лучах революционности: много ездил, выступал, принимал множество решений. По выражению Василия Шульгина, стал «расти», «вырастать с каждой минутой». Сначала – министр юстиции в первом составе Временного правительства, затем военный и морской министр. 8 июля 1917 года занимает пост министра-председателя (премьера). И наконец – Верховный главнокомандующий. Кстати, Керенский стремился создать в России армию нового типа, в которой воинская служба должна была основываться на строгом соблюдении дисциплины, на чувстве достоинства гражданина свободной России, на взаимном доверии, уважении и вежливости. В этом стремлении Керенский, конечно, опередил свое время.

Керенский призывал: «Давайте забудем ссоры и объединимся в единую семью во благо новой свободной России!» Но никто не хотел объединяться, положение становилось с каждым днем все хуже, и к октябрю 17-го запахло катастрофой. Россия выпала из слабых рук Керенского и других буржуазных демократов и тут же попала в железные объятия большевиков.

Поражение Февраля – во многом вина Керенского. Многие совершенные им политические ошибки явились следствием его характера, его мягкости, тщеславия, непомерных амбиций и неспособности к повседневной организаторской работе. Но почему народ выбрал в лидеры Керенского? На этот вопрос ответил Владимир Набоков-отец: «В “идолизации” Керенского проявился какой-то психоз русского общества».

«Не сотвори себе кумира!» – говорится в Библии. Нет, мы все время кого-то любим и обожаем при полном отключении разума, а потом, соответственно, получаем «по полной программе»...

Как выразился Сергей Есенин, «Керенский халифствовал весь период между Февралем и Великим Октябрем». Февраль слетел, как листок календаря, но боль от несбывшихся надежд, от растоптанной свободы оставалась еще долго. «На тебя, на Февраль вешали всех собак, ни один человек, ни одно историческое событие не было столь подло, гнусно оболгано...»-писал Керенскому один из его друзей-эмигрантов в 1969 году.

В эмиграции

Почти 22 года Керенский прожил в Европе, в основном во Франции, до прихода немцев в Париж. Эмигрантские круги не особо жаловали Александра Федоровича: его ругали и правые, и левые, считали виновником краха России. Сам он вновь и вновь возвращался к событиям прошлого и, отвечая на вопрос, почему люди поверили большевикам, а не демократическому

правительству, говорил так: «Есть высшая форма лжи, которая уже одной своей чрезмерностью импонирует людям, независимо от их интеллектуального уровня. Есть некий психологический закон, согласно которому чем чудовищнее ложь, тем охотнее ей верят. Именно в расчете на этот изъян человеческого души и строил Ленин свою стратегию захвата власти». Знакомясь с советскими учебниками по истории, Керенский неизменно возмущался: «Октябрь есть, а Февраля нет!.. Выскребли память... Насильно...»

В эмиграции Керенский организовал «Лигу борьбы за народную свободу», но потом свой реваншистский пыл поумерил. Работал в эсеровской газете «Дни», с ним там познакомилась Нина Берберова, которая о своем многолетнем знакомстве с бывшим премьером рассказала в мемуарах «Курсив мой». Керенский диктовал свои передовые статьи громким голосом на всю редакцию. Они иногда выходили у него стихами.

«Я вглядываюсь в него, – пишет Берберова, – знакомое по портретам лицо... Позже бобрик на голове и за сорок лет, как его знала, не поредел, только стал серым, а потом – серебряным. Бобрик и голос остались с ним до конца. Щеки повисли, спина гнулась, почерк из скверного стал совсем неразборчивым... Он всегда казался мне человеком малой воли, но огромного хотения, слабой способности убеждения и безумного упрямства, большой самоуверенности и небольшого интеллекта. Я допускаю, что и самоуверенность, и упрямство выросли на нем с годами, что он умышленно культивировал их, защищаясь. Такой человек, как он, то есть в полном смысле убитый 1917 годом, должен был нарастить на себе панцирь, чтобы дальше жить: панцирь, клюв, когти...»

Я видела, как он стареет, как слепнет. Но он либо заявлял, что погибнет очень скоро в авиационной катастрофе, либо сердито говорил, что никогда не будет инвалидом, никогда не выживет из ума, «хотя вы, кажется, думаете, что я уже выжил!»»

Нет, Керенский сохранил ясность ума. И много работал над своими воспоминаниями. В первом варианте они именовались «Моя Россия, моя борьба». Потом возникло другое – «Моя работа для моей России» – и, наконец, окончательное – «Россия и поворотный момент истории». Над ними он работал до последних дней.

В 1940 году Керенский переехал в США. Преподавал в Нью-Йоркском и Стенфордском университетах. В апреле 1970 года он приехал в Лондон по приглашению Британской радиокомпании. Комментируя шумиху, поднятую в мире в связи со 100-летним юбилеем Ленина, он с грустью сказал, что в истории России и помимо Ульянова было немало значительных имен, заслуживающих всяческого уважения. Незадолго до смерти Керенский писал: «Удивительно. Никого нет вокруг. Ни Краснова – его казнили в 47-м году... ни этого Дыбенко-матросика. Ни Корнилова, ни Черчилля, ни Ленина, ни Сталина... Я один остался на всем белом свете... Что это – миссия? Или наказание? Наказание долголетием и всезнанием. Я знаю то, что уже никто знать не может».

Он действительно пережил всех своих знаменитых современников и действительно многое знал (опять же не забудем, что он был масоном) и свои тайны (тайные расклады между великими державами) унес с собой в могилу.

Александр Федорович Керенский умер 11 июня 1970 года на 90-м году жизни. Скончался в Нью-Йорке, а захоронен в Лондоне – в городе, откуда некогда прозвучало первое «вольное» русское слово другого Александра – Герцена.

Уместно вспомнить слова Керенского, сказанные им в одном из интервью в 1953 году: «Вся русская история, начиная с конца XIX века, – это борьба за свободу, за достойную человеческую жизнь. Это не имеет ничего общего с идеями диктатуры. Мы явились первыми жертвами тоталитаризма, который завоевал почти всю Европу. С каким лозунгом Ленин победил в 1917 году? Он никогда не говорил в России, что хочет установить мировую диктатуру пролетариата. Поднимите старые газеты, журналы, выступления Ленина, Троцкого, Сталина. Они

говорили, что только большевики гарантируют народу землю, Учредительный съезд и абсолютную свободу, а в результате?..»

«А в результате?» – повторим мы и сегодня.

Керенский и женщины

Конечно, такого пылкого и велеречивого человека, как Керенский, любили многие женщины. Но он был женат на Ольге Барановской – внучке знаменитого сиолога Василия Васильева и правнучке ректора Казанского университета Ивана Симонова. Ольга Львовна родила Керенскому двух сыновей Олега и Глеба (в дальнейшем Олег Керенский сделал успешную карьеру инженера-мостовика и носил почетный титул командора Британской империи). Отношения в семье к 1917 году разладились, к тому же быть женой кумира толпы совсем не просто. По Петрограду курсировали слухи, что у Керенского бездна возлюбленных. Слухи слухами, а у Керенского действительно был роман с двоюродной сестрой жены – Еленой Бирюковой. По крайней мере, в записных книжках Зинаиды Гиппиус есть такая запись: «Стыдно сказать, – нельзя умолчать: прежде во дворцах жили все-таки воспитанные люди. Даже присяжный поверенный Керенский не удержался в пределах такта, кладя свою Елену на неостывшие подушки царей в Зимнем дворце (и зачем его туда черт понес?..)». И еще запись от 14 августа 17-го о Елене, «которая теперь лежит на всех диванах Зимнего дворца».

Но когда грянула октябрьская гроза над головой Керенского, ему уже было не до Елены и не до жены. Он, как говорится, ушел из дома, не попрощавшись. Супруга Ольга осталась с двумя мальчиками в бушующем Петрограде практически без средств к существованию, и пришлось продавать папиросы на улицах, о чем с радостью сообщила одна из большевистских газет весной 1918 года:

Сам Керенский за границей,
Там, где царские отбросы,
А жена его в столице
Набивает папиросы.

Несмотря на все огромные трудности, Ольга Львовна выстояла, а потом вынуждена была бежать из России, подальше от назойливых плакатов «Мы превратим весь мир в цветущий сад», от голода, холода, от ЧК и расстрелов. В Англии она работала машинисткой. Впоследствии она написала мемуары, которые в России так и не увидели свет. Ну а Керенский предпочел не видеться с женой и сыновьями (а может быть, они тоже не хотели?).

В 30-е годы Керенский был женат на австралийке Терезе Нелль. Вообще он любил женщин, и они его часто выручали. Он частенько с гордостью говорил Берберовой: «Выручила одна знакомая дама». Но с годами заботливых дам становилось все меньше, и уделом стареющего Керенского было одиночество.

Всё кардинально изменилось в 1953 году, когда появилась Элен (Елена Петровна Ивановна-Пауэрс), русская женщина, родившаяся в Маньчжурии и получившая образование в Америке. Она когда-то прочитала «Дневник Марии Башкирцевой» и заболела Россией. Узнав, что Гуверовский университет в Стенфорде ищет секретаря-переводчика для самого Керенского (она-то думала, что он давно умер), Элен выиграла конкурс и стала приближенной к Александру Федоровичу. Красивая и умная женщина бальзаковского возраста влюбилась в Керенского, невзирая на его возраст. Сначала были диктовки, а потом любовь. Она нашла его брошенным и неухоженным человеком, окружила заботой, вниманием, лаской. Это был настоящий подарок судьбы.

Эпилог

Снова вернемся к исторической связке Ленин – Керенский. Как только не называл Ленин Керенского – и «мелкий буржуа», и «бонапартист», и «министр революционной театральности». Владимир Ильич был горазд на моральные и политические оплеухи. Керенский оказался более сдержанным человеком. Лишь однажды, в эмиграции, он резко отреагировал в каком-то разговоре: «Вы мне об Ульянове ничего не говорите!»

Сто лет прошло после февральско-октябрьских вихрей в России. Выросло несколько поколений россиян. История

России была не раз переписана – и что, как говорится, в сухом остатке? Кто и что знает сегодня об Александре Керенском? Одна женщина сказала примечательную фразу: «Я в то время не жила и ничего о нем не знаю». Школьники оказались более приткими. Один заявил: «Керенский – это что-то из военной истории. Кажется, во время войны с немцами был такой генерал. Он еще Сталинградскую битву выиграл». Другой школьник, пятиклассник, поморщил лоб: «По-моему, актер такой был. Я недавно смотрел фильм про революцию, так он в нем Ленина играл».

Как написала одна газета (рассекретим – «МК», 14 июля 2016 года) – «Здравствуй, племя тупое, незнакомое!»

* * *

Писателей и поэтов нынешнее поколение еще помнит, не всех, а кое-кого, а вот политических и общественных деятелей старой России – почти никого. Сбежали из России и были вычеркнуты из истории. Это несправедливо. Все они по-своему любили Россию, боролись за нее и оставили воспоминания о ней (стало быть, почти писатели – мемуаристы). Они все были политическими оппонентами и противниками большевиков, и им всем грозила смерть в застенках ЧК. Они и покинули советскую Россию, а им вслед понеслась брань, хула, презрение и популярное в те годы словечко «белогвардейцы».

Бабушка русской революции

Если нынешняя молодежь в своей подавляющей массе не знает, кто такой Керенский, то Брешко-Брешковскую – и подавно. А она, между прочим, вошла в русскую историю как «бабушка русской революции», и грех о ней не вспомнить, тем более что ей пришлось эмигрировать вскоре после Октября.

Брешко-Брешковская Екатерина Константиновна (урожденная Вериго, 1844, село Ивановка Витебской губ. – 1934, Хвалы-Гочерниницке, близ Праги). Активный деятель народного движения, публицист, автор мемуаров.

По советским оценкам – яростная противница советской власти, белоэмигрантка, прожила 90 лет и 9 месяцев жизнью чрезвычайно бурной и насыщенной. Дочь польского дворянина (ах, эта горячая вольнолюбивая польская кровь!), отставного гвардии поручика, по семейной легенде, прототипа пушкинского Германна из «Пиковой дамы». Брешко-Брешковская получила хорошее домашнее образование. С детства была болезненно впечатлительной и чрезмерно эмоциональной натурой. В воспоминаниях отмечала:

«Все время страдала и болела сердцем за кого-нибудь: то за кучера, то за горничную, то за работника, то за угнетаемых крестьян».

Уже с юных лет зародилась в ней твердая решимость «жить только для народа». В 17 лет Екатерина начала борьбу за осуществление идеала светлого будущего. Создала крестьянскую школу, ссудно-сберегательные кассы взаимопомощи, артели. Уже будучи замужем и имея ребенка, ясно осознала, что «правительство боится сознательности народа и старается его держать в рабском беспорядке». Стала искать «другие способы работать на пользу дорогого мне народа...». И пришло решение «проникнуть в народ лично, а не только посредством книг и листовок».

Следующий этап: Брешко-Брешковская стала одной из создательниц Киевской коммуны. Под именем Феклы Косой она участвовала в «хождении в народ». В сентябре 1874 года была арестована и осуждена. На процессе заявила, что имеет честь «принадлежать к социалистической и революционной партии российской». И поэтому не признает суда над собой. Брешко-Брешковская была первой в России женщиной-ка-торжанкой. Пыталась бежать с каторги, но неудачно, получила новый срок. По амнистии по случаю коронации Николая II в сентябре 1898-го вернулась на волю.

Успокоилась? Куда там! Вместе с Григорием Гершуни участвовала в создании «Рабочей партии политического освобождения России», а затем боевой организации партии социалистов-революционеров (эсеров). После разгрома партии эсеров в 1903 году эмигрировала в Швейцарию. Вернулась в Россию и вновь ринулась в пучину революционной борьбы. И снова арест, ссылка, побег, тюрьма...

Февральскую революцию 1917 года Брешко-Брешковская встретила в ссылке в Минусинске, где местная городская дума поздравила «бабушку революции» с победой и торжеством ее идей. Для возвращения из Сибири в Петроград Брешко-Брешковской предоставили специальный железнодорожный вагон, и ее возвращение в столицу на Неве стало настоящим триумфом (приняли более восторженно, чем вернувшегося из-за границы Ленина?..). Без всякого колебания она поддержала Керенского, а он в ответ предложил ей жить в Петрограде в Зимнем царском дворце.

Поначалу Брешко-Брешковская испытывала эйфорию и увидела в Учредительном собрании «великолепный хрустальный храм свободной России». Она ратовала за то, чтобы всю землю немедленно отдали крестьянам. По состоянию здоровья не смогла принять участия в 3-м съезде эсеров, но послала письмо его участникам: «...Мы – “народники” не по названию

только. Мы – народники в силу нашей совести и бесконечной преданности высшим интересам, настоящим и будущим, нашего великого народа... На наши головы ляжет ответ за малейшие допущения измены или нарушения данной народу клятвы – служить ему верой и правдой».

В одной из статей Брешко-Брешковская отмечала, что «Россия самое отсталое в деле просвещения государство, что невежество масс есть главный источник всех поражающих Россию бедствий...».

Брешко-Брешковская была избрана в сеньорен-конвент Временного Совета Российской республики. Как старейший член она открыла 7 октября 1917 года его заседание. А 25 октября произошел контрпереворот, и большевики вооруженным путем взяли власть в свои руки. Все существо «бабушки русской революции» бурлило от возмущения, она протестовала против антинародных идей большевизма. Ни о каком сотрудничестве с большевиками не могло быть и речи, и Брешковская перешла на нелегальное положение. В 1919 году, опасаясь за свою жизнь, эмигрировала из России в США, где продолжила борьбу против большевиков, против «комиссаров в пыльных шлемах», как выразился в одной из песен Булат Окуджава. Из Америки она переехала во Францию, а с 1920-го жила в Чехословакии, где закончилась бабушкина сказка о русской революции...

Несколько слов о ее сыне, Николае Брешко-Брешковском. Он не пошел по революционным стопам своей матери, а избрал путь журналиста и писателя. Был известен как бытописатель и раскрыватель скандальной изнанки светской жизни. Много писал про моду и спорт. Лихо угождал невзыскательным вкусам определенной части читателей. В его писаниях Куприн увидел «холодно-риторическую, искусственно взвинченную, вымученную порнографию», «водопад банальных выражений, шаблонных фраз и затрепанных образов». После 1920 года Николай Брешко-Брешковский укатил в эмиграцию и там, на Западе издал более 30 романов, в том числе и антисоветских. В Берлине пошел в услужение к фашистам и погиб в 1945 году во время бомбежки.

Краткая галерея политических деятелей

Упомянем, хотя бы коротко, имена политических и общественных деятелей, в том числе и ленинских большевиков – первых соратников Ленина по партии.

Аксельрод Павел Борисович. Вместе с Плехановым, Дейчем и Верой Засулич основал группу «Освобождение труда» – и полетели искры революции по всей России. Один из лидеров меньшевиков и один из главных оппонентов Ленина. Эмигрировал сразу после Октября. Умер в Берлине. Написал мемуары «Пережитое и передуманное». В советской печати фигурировал как белогвардеец и ярый враг советской власти. А он был не враг, а всего лишь инакомыслящий, предлагавший свои решения для строительства новой социалистической России.

Барон Врангель Петр Николаевич. Потомок прибалтийского аристократического рода шведского происхождения. Окончил Петроградский горный институт. Вступил в кавалерийский полк рядовым. Вызвался добровольцем участвовать в Русско-японской войне. Затем окончил Академию Генерального штаба и в Первую мировую войну командовал кавалерийским корпусом. После Октября примкнул к Добровольческой армии, командовал казачьей дивизией. Потерпел поражение при Царицыне. Пытался удержать Крым, но не смог. Организовал крупномасштабную эвакуацию остатков Белой армии и гражданских беженцев (свыше 150 тыс.) в Турцию. В эмиграции создал Союз белых ветеранов Гражданской войны. Умер 26 апреля 1928 года, не дожив до 50 лет, от внезапной болезни. По одной из версий, был отравлен. Похоронен в русском соборе в Белграде. Врангель оставил подробную историю Гражданской войны, которая в советской стране осталась неизвестной, и народ с удовольствием горланил песни про разгром белой армии и черного барона.

Сын Врангеля Петр родился в 1923 году, в эмиграции. Политикой не занимался. Образование получил в Англии. Жил в Ирландии. Писатель, спортсмен, наездник, специалист по коневодству. Написал книгу об отце «Белый крестоносец России генерал Врангель» (США, 1987).

И, конечно, следует вспомнить младшего брата генерала, тоже барона, но не «черного», а «художественного» – человека искусства.

Николай Николаевич Врангель (1880–1915). Искусствовед, художественный критик, основатель-редактор журнала «Старые годы» (1907–1915), соредатор Сергея Маковского в журнале «Аполлон», соавтор Игоря Грабаря по «Истории русского искусства». Александр Бенуа звал его Кокой (и счастье Коки, что он не дожил до революции, умер в 35 лет). «Одна черта мне особенно мила в Коке Врангеле. Принадлежа по фамилии к высшему обществу, он не обнаруживал и тени какой-либо спеси или хотя бы снобизма в стиле золотой молодежи...» (Бенуа). Николай Врангель ушел добровольцем на Первую мировую войну, работал в санитарном вагоне и умер от острого воспаления почек.

«Один из близких друзей его говорил мне: “Я удивляюсь, когда Врангель находил время работать”. С таким же правом можно было, зная количество его работы, спросить себя: когда Врангель отдыхает» (С. Волконский. Мои воспоминания).

Гучков Александр Иванович. По мнению советской стороны, «один из лидеров российской империалистической буржуазии, крупный промышленник. Белоэмигрант».

Основал партию «Союз 17 октября», и его партия пробила реформы в Думе. Был резко настроен против большевиков и в конечном счете оказался в эмиграции. Умер в Париже.

В одной частной беседе Гучков говорил: «Революция – тяжелое бедствие для государства. Она срывает жизнь с ее привычных рельсов, массы выходят на улицу. Теперь мы должны загнать толпу на место, но это нелегкая задача».

Это сделали уже большевики.

Дан Федор Ильич (Гурвич). Один из руководителей петербургского «Союза за освобождение рабочего класса». Член редакции «Искры». Меншевик. После Кронштадского мятежа был выслан из России за границу. Жил в Берлине и Париже, умер в Нью-Йорке. Написал книгу «Происхождение большевизма».

Деникин Антон Иванович. В советском энциклопедическом словаре его имени не было, а была «деникинщина». Деникин – царский генерал. Главнокомандующий белыми силами в Гражданскую войну на юге России. Проигравший и эмигрировавший. Деникин боролся за «Россию единую и неделимую». Оставил пятитомные воспоминания «Очерки русской смуты».

Князь Львов Георгий Евгеньевич. Первый премьер-министр Временного правительства. Посидел в тюрьме и эмигрировал во Францию. Многие упрекали Львова в гамлетовской нерешительности. По мнению Набокова-отца, Львов был чужд честолюбию и никогда не цеплялся за власть.

Мартов Юлий Осипович (Цедербаум). Один из виднейших деятелей российского социал-демократического движения. Близкий друг Ленина. Соредатор газеты «Искра». Лидер меньшевиков. То, что произошло в Октябре, считал карикатурой на диктатуру пролетариата и своеобразным русским якобинством. В октябре 1920-го Ленин разрешил своему другу молодости выехать за границу на лечение. Умер Мартов в апреле 1923 года в одном из санаториев Шварцвальда от обострения туберкулеза. Меньше чем через год умер и Ленин...

Маклаков Василий Алексеевич. Адвокат. Один из любимчиков Плевако. Участвовал в деле Бейлиса. Член ЦК партии кадетов. Блестящий оратор. Критиковал еще Николая II: не называя его, отмечал, что страной правит «безумный шофер», который «править не может», «ведет к гибели всех и себя», но «цепко ухватился за руль» и уже не пускает людей, которые «умеют править машиной».

Маклаков оставил мемуары «Из воспоминаний». Умер в Цюрихе в возрасте 88 лет.

Махно Нестор Иванович (1888, Гуляйполе, ныне Запорожская обл.). Сын крестьянина. Натура дерзкая: в 16 лет убил полицейского, только возраст спас его от расстрела. В Бутырской тюрьме столкнулся с анархистами, и пошло Гуляйполе! Махно создал на Украине крупнейшие формирования анархистов, воевал и с красными, и с белыми. Был безжалостным антисемитом. Неоднократно заключал союзы с Красной армией и разрывал их. Советской властью был объявлен атаманом шайки, бандитом и грабителем. Одним словом, махновщина... Потерпев поражение, эмигрировал. Во Франции бывший анархист работал... сапожником. Написал два тома мемуаров. Умер в Париже 6 июля 1934 года в 45 лет.

Сергей Есенин воспринимал Махно как революционного крестьянского вождя и воплотил его образ под именем Номаха в драматической поэме «Страна негодяев» (1922–1923):

В этом мире немывом
Душу человеческую
Ухорашивают рублем,
И если преступно здесь быть бандитом,
То не более преступно,
Чем быть королем...
Я слышал, как этот прохвост
Говорил тебе о Гамлете.
Что он в нем смыслит?
Гамлет восстал против лжи,
В которой варился королевский двор.
Но если б теперь он жил,
То был бы бандит и вор.

Потому что человеческая жизнь —
Это тоже двор,
Если не королевский, то скотный.

Другой персонаж «Страны негодяев» заключает:

Вся Россия – пустое место.
Вся Россия – лишь ветер да снег.

А для анархиста батьки Махно Россия – это сплошное Гуляйполе: гуляй – не хочу!.. И, как определяли советские историки, «действия махновских банд, состоящих из уголовных элементов, авантюристов, кулаков, сопровождались пьяным разгулом, грабежами, погромами и расправами с коммунистами». Банда была разгромлена, а «сам Махно бежал за границу».

Милюков Павел Иванович (1859, Москва – 1943, захоронен в семейном склепе в Париже). В советской интерпретации Милюков – лидер русской империалистической буржуазии, глава партии кадетов. Историк. Представлял антинаучные субъективно-идеалистические взгляды в понимании исторического процесса. Не то что, к примеру, советские ученые. Академик Исаак Минц. Активно участвовал в сталинских искажениях истории. Председатель ученого совета Академии наук по историческому исследованию Октябрьской революции. Или Марк Митин, еще один марксистский философ родом из Житомира. Редактор журналов «Под знаменем марксизма», а затем «Вопросы философии». Яркий символ периода мракобесия в русской философии. И два ордена Ленина.

И Минц, и Митин являлись идеологическими слугами вождя. Куда Милюкову до них: он был сам по себе, да к тому же не забывал, что является учеником знаменитого русского историка Ключевского.

Милюков – сын архитектора. Окончил Московский университет. Основатель кадетской партии, депутат Думы. 1 ноября 1916 года, выступая в Думе с критикой действий правительства, задал вопрос, что это – «глупость или измена?». Министр иностранных дел во Временном правительстве. Настаивал на немедленном аресте Ленина, когда тот по приезду из эмиграции «начал с балкона дома Кшесинской произносить свои криминальные речи». Но Милюкова не поддержали... 7 июня 1917 года в газете «Речь» Милюков писал: «Я недоволен тем, что гг. Ленин и Троцкий гуляют на свободе... они достаточно нагрелись против уголовного кодекса... эти господа вносят заразу в русское общество и русскую армию...»

Октябрьский переворот Милюков встретил, естественно, враждебно. Перебравшись в Киев, хотел с помощью германской армии подавить советскую власть, но не получилось. В конце 1918-го Милюков выехал за границу. В 1922-м в Берлине на него было совершено покушение, но пуля попала во Владимира Набокова-отца, который бросился его защищать... В начале Отечественной войны тяжело переживал поражения Красной армии.

Что добавить еще? Когда был жив Лев Толстой, то Милюков встречался с ним и дискутировал. В годы революционных потрясений Милюков пытался сыграть «умеряющую роль» в раздираемом противоречиями обществе, создать «не революционную, а конституционную партию, задачей которой должна стать борьба парламентскими средствами...». Не вышло: то ли не хватило воли, то ли харизмы, то ли общество могло смириться лишь под железной волей диктатора-тирана?..

В эмиграции Милюков редактировал газету «Последние известия». Его «Очерки по истории русской культуры» (первое издание – 1898) были настольной книгой русского интеллигента. Кстати, а кто нынче читает Митина и Минца?!

Панина Софья Владимировна, графиня (по мужу Половцева, 1871–1957, Париж). Одна из немногих русских женщин – политических деятелей дореволюционной России. Член

кадетской партии. Замминистра социального обеспечения Временного правительства. Арестована с другими кадетскими лидерами **29** ноября **1917** года по указанию Ленина и помещена в Петропавловскую крепость.

Панина из рода миллионеров, богатая наследница. Славилась своей красотой. Окончила Высшие женские курсы в Петербурге. Устраивала спектакли и концерты для рабочих. В октябре 1918 года бежала из Москвы на юг, увозя в чемоданчике фамильные драгоценности, чтобы передать их на нужды Белой армии, но в суете бегства чемоданчик затерялся. Эмигрировала из России – Франция, Швейцария, США.

Плеханов Георгий Валентинович (1856–1918). Философ, политический деятель, один из крупнейших русских марксистов, выдающийся пропагандист марксизма. Сын помещика. Учился в Петербургском горном институте, исключен за революционную деятельность. Стал народником и «пошел в народ»... Эмигрировал и почти **30** лет жил в Европе (**1880–1917**). Молодой Ленин поклонялся Плеханову как патриарху русских марксистов. Личное знакомство переросло во взаимное отталкивание. Плеханов о Ленине: «Из такого материала создаются Робеспьеры». После раскола социал-демократов Плеханов стал лидером меньшевиков. Резкий критик большевизма. Те в свою очередь критиковали Плеханова за недооценку революционного союза пролетариата с крестьянством, за преувеличение роли либеральной буржуазии в революции и т. д. Но, критикуя большевиков, Плеханов пытался примирить «враждующих братьев». Подверг критике «апрельские тезисы» Ильича за отступление от научного социализма и за «безумную и крайне вредную попытку посеять анархическую смуту в русской земле».

Вернулся в Россию совершенно больным и **31** марта **1917**-го на Финляндском вокзале Петрограда заявил собравшейся толпе встречающих: «Я счастлив, что вернулся на Родину, я отдам остаток своих сил работе для победы революции. Надеюсь еще поработать, еще пожить. Но готов и умереть за эту победу».

Пуришкевич упрасивал Плеханова взять на себя управление страной, которой грозит гибель: «Вы мой политический враг, но я знаю, что вы любите Родину. И это сознание внушает мне глубокое доверие к Вам». Плеханов не внял словам Пуришкевича. Плеханов не хотел быть верховным правителем, но он хотел быть примирителем всех, в том числе помирить крестьян и помещиков. Плеханов опасался, что если Ленин займет место Керенского, то «это будет началом конца нашей революции. Торжество ленинской тактики принесет с собой такую гибельную, такую страшную экономическую разруху, что весьма значительное большинство населения страны повернется спиной к революционерам».

Октябрь Плеханов не принял и воспринял его как «величайшее несчастье». И это совпало с кризисом подорванного туберкулезом здоровья. Плеханов умер 30 мая 1918 года в санатории в Териоках, в Финляндии, в возрасте 61 года.

Плеханов был не только революционером, марксистом и философом. Он еще и талантливый литературный критик. Собрание основных его сочинений составило 24 тома (издано в 1925–1927). «Избранные философские сочинения» в пяти томах изданы в конце 50-х.

Для меня лично Плеханов – не пустой звук. Я окончил Институт народного хозяйства имени Плеханова, конспектировал его некоторые труды. В мартовском номере 2010 года в журнале «Наука и жизнь» (подписной тираж 42 тыс. экз.) вышла моя статья о Плеханове «Отец русского марксизма». Как выпускник Плехановки я отдал дань Георгию Валентиновичу и разделяю его мысль, «что русская история еще не смолола той муки, из которой будет со временем испечен пшеничный пирог социализма».

На сегодняшний день – 30 января 2016 года – это не пшеничный пирог социализма, а нечто подгорелое, непропеченное, горькое и пересоленное, приготовленное на сковороде дикого капитализма. Плеханову такое не привиделось бы и в страшном сне!..

* * *

Но, может быть, хватит? Нельзя объять необъятное: Путилов, Родзянко, Рябушинские, Церетели, Чхеидзе, Чернов – один интереснее другого.

Ну а дальше, если быть хронологически точным, воскресим в памяти панораму 20-х годов, первых лет советской власти.

1920–1929

*Мать моя – родина,
Я – большевик*

Сергей Есенин

Из подвалов, из темных углов,
От машин и печей огнеглазых
Мы восстали могучей громов,
Чтоб увидеть все небо в алмазах...

– писал Николай Клюев.

Страна раскола: одни жаждут в кратчайшие сроки увидеть «небо в алмазах», другие заламывают руки: «Я на коленях молю вас, укравших мою Россию: отдайте мне мою Россию, верните, верните...» (*Леонид Андреев*). Но находились и такие, кто в открытую боролся с советским режимом.

Поднимайся, люд крестьянский,
Всходит новая заря,
Сбросим Троцкого оковы,
Сбросим Ленина-царя...

– пели в Кронштадте. Там в конце февраля 1921 года восстали военные моряки. Мятеж был серьезный, власти бросили все силы на его подавление. План разрабатывал Лев Троцкий, реализовывал его бывший царский офицер и будущий красный маршал Михаил Тухачевский, который впоследствии отмечал: «Я был пять лет на войне, но не могу вспомнить, что когда-нибудь наблюдал такую кровавую резню. Это не было большим сражением. Это был ад...»

Большевики, эти «кожаные люди в кожаных куртках» (по выражению Бориса Пильняка), умели устраивать ад. По самым скромным подсчетам, в 20-30-х годах 240 тысяч семей зажиточных крестьян (считай – более миллиона человек) были сосланы. На новоязе это называлось «раскулачивание». В 1930-м последовал указ о расширении системы ГУЛАГа. Правда, главный охранитель и надзиратель советской власти Феликс Дзержинский умер в 1926 году, но чекистское дело жило и процветало.

Вскоре выяснилось, что политические рычаги власти взять легче, чем наладить экономическую жизнь. А тут еще летом

1921 года разразился голод на Украине и в центральных областях России. Срочно был создан Комитет помощи голодающим (Помгол), во главе которого встали либералы из Временного правительства – Прокопович, Кишкин, Кускова. Комитет обратился к американцам (не впервой просить Америку!), и те спасли от голода не менее 7 миллионов российских граждан. Как только угроза голода отодвинулась, большевики тут же расправились с руководителями Помгола... Как всегда – черная неблагодарность. А еще, как всегда, неумеренный оптимизм и шапкозакидательство. На X съезде РКП(б) Троцкий пообещал, что «революционную Европу будет кормить хлебом советская Россия». Фанфары и утопия – фирменный большевистский стиль.

Экономический хаос и неразбериха привели к тому, что срочно пришлось принимать нэп – это произошло на X съезде партии, состоявшемся 8-16 марта 1921 года. Новая экономическая политика (послабление частной инициативе и капиталу) позволила в краткие сроки вдохнуть жизнь в умирающую экономику. Появились товары, все закипело, заработало. Но, увы, не всерьез и не надолго, как обещал Ленин. Большевики органически ненавидели предприимчивых и независимых людей. Как сообщали «Известия», в начале 1925 года органами ОГПУ было арестовано около тысячи нэпманов – биржевых дельцов, владельцев магазинов, ресторанов и игорных домов, все они «подвергнуты административной ссылке с отображением имущества, их квартиры со всей обстановкой отданы в пользование пролетариата».

Отобрать. Поделить. Вот и все коммунистическое умение. Такая же печальная история произошла и в деревне. В апреле 1925-го Николай Бухарин выступил с заявлением: «Крестьянству, всем крестьянам мы должны сказать: “Обогащайтесь!”» То есть работайте и пользуйтесь плодами своего труда. Не тут-то было! Крестьян взяли в шоры – ни пикнуть, ни вздохнуть. Жесткая, несправедливая политика в отношении крестьянства дала о себе знать в 1929 году, когда произошел возврат к карточной системе распределения продуктов в городах. Коммунистическая власть пришла в ярость: ах, не хотите работать?! Заставим! Собьем в колхозное стадо, а недовольных вырежем! Именно такова была суть заявления Сталина от 27 октября 1929 года о начале сплошной коллективизации сельского хозяйства и переходе к политике «ликвидации кулачества как класса».

Так строилась советская республика – на принуждении, на насилии. Пропагандистская машина работала вовсю, и находились сотни тысяч энтузиастов, наивно поверивших в «зарю нового времени».

1 сентября 1928 года был принят 1-й пятилетний план развития народного хозяйства СССР, а уже в декабре появился почин: «Пятилетку – в четыре года!»

Страна сотрясалась от споров, дискуссий, ожесточенной борьбы. Достаточно пробежать по заголовкам статей в «Комсомольской правде» 20-х годов: «Броня – дело политической важности», «Политика измены продолжается», «Продуманно, тактично и упорно – в наступление на религию», «Борьба за дешевый радиоприемник», «Балалайку – в руки комсомольцу!», «Пролетарский молодец – в советский аппарат!», «Организовать бедноту к перевыборам!».

Внутри партийной верхушки шла борьба за власть. Болезнь Ленина лишь усилила грызню между его возможными преемниками. Ничего не решило завещание Ленина, которое скрыли от рядовых членов партии. Сталин продолжил уверенное восхождение к вершине власти. Правые уклоны, левые уклоны, объединенная оппозиция, троцкистско-зиновьевский блок – все это политические страсти 20-х годов. В январе 1929-го Троцкого изгоняют из страны, и приходит черед расправы с остальными соперниками «кремлевского горца». С 21 декабря 1929 года, пятидесятилетия Сталина, начинается отсчет времени культа одной личности. Революция масс закончилась диктатурой.

В 1926 году, согласно первой переписи населения, в стране насчитывалось 147 миллионов человек. 82 процента населения проживало на селе, и лишь 18 – в городах. Другими словами, Советский Союз оставался сельской страной.

Сельская страна оставалась, однако, страной великой культуры, хотя целая когорта блестящих ее представителей эмигрировала из России – Бунин, Куприн, Зинаида Гиппиус и Дмитрий Мережковский, Бальмонт, Ремизов, Шмелев, Шаляпин, Добужинский, Бердяев... Все они разгадали в новой власти того «грядущего хама», приход которого предрекал несколькими годами раньше Дмитрий Мережковский.

Умер Блок, его так и не выпустили на лечение за границу. Через две недели, 24 августа 1921 года, расстреляли Николая Гумилева. В декабре 1925-го повесился Сергей Есенин.

Ах, родина! Какой я стал смешной.

На щеки впалые летит сухой румянец,
Язык сограждан стал мне как чужой,
В своей стране я словно иностранец.

Конечно, панорама неполная, сжатая, спрессованная, и многое в ней не вместились, но она необходима, прежде чем начать рассказывать о судьбе отдельных людей, в основном творческих профессий, поэтов и писателей: кто из них уехал, а кто решил остаться и даже не допускал мысли о том, чтобы покинуть родину.

О первой волне русской эмиграции после революции и первых советских лет рассказано в книге «Отечество. Дым. Эмиграция».

А далее некоторое дополнение и продолжение.

Мадам Кускова, осмеянная Владимиром Маяковским

Кускова Екатерина Дмитриевна (урожденная Есипова, 1869, Уфа – 22 декабря 1968, Женева). Общественный и политический деятель, публицист, одна из немногих женщин, боровшихся за счастье народа, вовлеченная в вихрь революции со своим мужем Сергеем Прокоповичем. (Любопытно противопоставить пары Ленин – Инесса Арманд, Горький – Мария Андреева с Кусковой – Прокоповичем.) Владимир Маяковский высмеял Кускову в своей октябрьской поэме «Хорошо» за ее политическое пристрастие к Александру Керенскому. Некто в образе пушкинской няни разговаривает с Кусковой в образе Татьяны. Привожу пассаж поэта без его лесенки:

– Сердечный друг, ты не здорова. —
– Оставь меня, я влюблена! —
– Кускова, нервы полечи ты... —
– Ах, няня, он такой речистый...
Ах, няня-няня! Няня! – Ах!
Его же носят на руках.
А как поет он про свободу...
Я с ним хочу, – не с ним, так в воду.
Старушка тычется в подушку,
И только слышно: «Саша! Душка!»

Старушка? В 1917 году Кусковой было 48 лет. Возраст, полный сил и революционного рвения. Екатерина Дмитриевна сделала немало полезного для народа России. А что сделал великий поэт? Если отбросить его раннее прекрасное творчество, то затем, после 17-го, он занимался, по существу, пропагандистским восхвалением режима и хотел быть первым из первых в ряду поэтов.

В трехтомном энциклопедическом словаре середины 50-х годов Кусковой нет. Подмосковная усадьба Кусково (бывшее имение Шереметевых) есть, а Екатерины Кусковой нет – не было такой, только наличествует в поэме «Хорошо». А посему пусть не знающие о ней прочтут хотя бы немного.

Родители: отец – учитель гимназии, затем акцизный чиновник. В 15 лет, учась в последнем классе саратовской женской гимназии, осталась без родителей (отец застрелился, мать – малограмотная, едва владевшая русским языком татарка, – умерла от туберкулеза). Чтобы обеспечить существование себе и младшей сестре, Катя заняла место матери по заведованию богадельней. Девушка была не только с характером, но и с принципами, что проявилось, по мнению наставников гимназии, в «возмутительном характере» сочинения на тему пушкинского стихотворения «Поэт и чернь». Девушка чрезмерно восхищалась словами поэта:

Молчи, бессмысленный народ,
Поденщик, раб нужды, забот!
Несносен мне твой ропот дерзкий,
Ты чернь земли, не сын небес...
...Печной горшок тебе дороже:
Ты пищу в нем себе варишь.

Уже тогда юная Кускова понимала, что народ, «закаменевший в разврате», а точнее – в бытовых заботах и нуждах, надо обязательно образовывать. Ну а поэты?

Не для житейского волненья,
Не для корысти, не для битв,
Мы рождены для вдохновенья,
Для звуков сладких и молитв.

Короче, в девушке заподозрили какую-то крамолу и исключили из гимназии. Но она была упорна, сдала все экзамены экстерном и получила аттестат с отличием. Осенью 1885 года она вышла замуж за своего гимназического учителя физики И. Ювеналиева. Брак длился недолго: Ювеналиев вскоре скончался от чахотки, умер и младший сын Екатерины. Чтобы преодолеть еще одно испытание жизни, она поехала в Москву и поступила на акушерские курсы, а параллельно занималась в кружках самообразования, изучая философию (Кант, Гегель, Спенсер и др.), слушала лекции историка Ключевского в Московском университете. Была ли такая жажда знаний у Владимира Владимировича?..

Далее жизнь закрутилась-завертелась. Философия, политика, экономика, журналистика. Первые публикации в газете «Саратовский вестник». Работа в санитарном отряде по борьбе с холерой. А еще краткое пребывание в тюрьме за «политическое воспитание народа». Фиктивный брак со студентом-юристом П. Кусковым, державшим многодневную голодовку (надо было его поддержать!). Знакомство с Горьким и Короленко. Переход с народничества на позиции марксизма. В конце 1895 года Кускова становится женой Сергея Прокоповича, но не расстается с фамилией Кусковой. Кускова и Прокопович уезжают за границу, где знакомятся с группой Плеханова, и Екатерина слушает курс социальных наук в Брюссельском университете. После возвращения в Россию занимается активной пропагандой марксизма, но на экономической подкладке, за что ленинцы назвали пару Кускова – Прокопович «бернштейнцами» и «экономистами». Еще одно увлекательное дело – кооперативное движение, ну и главное – сплотить в Думе блок всех левых сил.

В апреле 1916 года на квартире Кусковой в Москве состоялось собрание либеральных партий, обсуждавших состав Временного правительства. Уже тогда Кускова поддерживала Керенского, чего не мог не заметить впоследствии Маяковский. Большевиков-ленинцев Кускова отождествляла со смутьянами. «Ленин – вреден. Ленин действует на несознательные головы. Ленин вносит сумбур и разложение в армию. Ленин приглашает к захватам... Лениных в России – много множество. Ленин – это безответственная демагогия. Ленин – это в лучшем случае утопист...» – так считала Кускова, а в своих «Петроградских письмах» 7 июля 1917 года в передовой статье утверждала: «Вся политика Ленина есть политика предательства. Вся его политика – кинжал в спину не только армии, но и революции». И в который раз Кускова призывала социалистов и кадетов «оставить позади старые ошибки» и «протянуть друг другу руки».

Призывы остались призывами, и грянул Октябрьский переворот. Кускова на страницах газеты «Власть народа» отстаивала свою позицию, но весной-летом советская власть закрыла всю оппозиционную печать, в том числе и газету Кусковой. В период Гражданской войны Кускова становится «нинисткой» – «ни Ленин, ни Колчак». Когда в стране разразился голод, Кускова выступает в роли организатора и руководителя Комитета помощи голодающим (Помгол). Пыталась найти помощь на Западе, и тут Кускова, Прокопович и Кишкин были арестованы и приговорены к смертной казни, от которой их спасло заступничество президента США Гувера и Фритьофа Нансена. Кускова и Прокопович были сосланы на север, а в 1922 году доставлены оттуда в Москву и высланы за границу. «Помогать голодающим – не ваше дело, мадам Кускова!»

Началась эмиграция: Берлин, Прага, работа в системе Международного Красного Креста. Квартира Кусковой в Праге стала «политическим салоном» для русских эмигрантов. Кускова

выступала против нового похода против советской власти, предлагала «засыпать ров гражданской войны». Вела поиски мирного, но достойного возвращения на родину, без унижения и преследования. Много выступала в печати. Писала воспоминания «Давно минувшее», но успела довести их только до 1900 года. По утверждению Берберовой, Кускова была масоном (редкость для женщин) и, видимо, «много знала». Часто встречалась и переписывалась с Екатериной Пешковой, первой женой Максима Горького. Все это осталось погребенным в архиве.

Несколько слов о муже Кусковой. **Прокопович Сергей Николаевич** (1871, Царское Село – 1965, Женева). В октябрьской поэме Маяковского «Хорошо!» есть издевательский диалог:

И только под вечер:
– Где Прокопович?
– Нет Прокоповича...

А вот он, Прокопович, у нас в книге об эмиграции. Не забыт. Помянут. Он из богатой семьи: отец – генерал, мать – помещица. Сам Сергей окончил Брюссельский университет. Но увлекла, сгубила революция, как дурная женщина. Дрейфовал из одного крыла революции в другой, а в итоге считал себя «нефракционным социалистом». После Октября Прокопович вошел в Комитет спасения Родины и революции. В какой-то момент заменил Керенского и подписал постановление Временного правительства о созыве Учредительного собрания, но, как известно, «Караул устал!» – и Учредительное собрание было разогнано. Многие народные избранники были арестованы, в том числе и Прокопович.

В 1921 году Прокопович вместе со своей женой Кусковой и Николаем Кишкиным участвовали в создании Помгола, который стал советской власти как кость поперек горла. Помголовцы были высланы из России. И пришлось Прокоповичу жить и работать в Европе и США. А школьники, изучая поэму «Хорошо!», весело спрашивали: «Где Прокопович? Ну, этот противный белоэмигрант?..»

Забывтый Кусиков

Собираешь, собираешь имена и кого-нибудь обязательно забудешь. В книге «Отечество. Дым. Эмиграция» пропустил Кусикова (и сразу рифма имажиниста с усиками). Поэт. Эмигрант.

Александр Борисович Кусиков (Усикян, 1896, Армавир – 1977, Париж). О себе сочинил черкесское происхождение, создал имидж дикого горца. Носил черкеску и военный френч, брюки-галифе и высокие сапоги, в руках четки. В Первую мировую служил кавалеристом. Был ранен. В Февральскую революцию был назначен военным комиссаром Анапы. Затем Москва, «Кафе поэтов», знакомство со всеми знаменитостями. Вместе с Бальмонтом организовал издательство «Чихи-Пихи» и выпустил свой первый стихотворный сборник «Жемчужный коврик». Сблизился с Есениным и Шершеневичем и вошел в группу имажинистов. Писал стихи, но лично меня они не впечатляют:

Жизнь моя – только пули полет.
Хрупкий мир уходящих мельканий,
Как весною надтреснутый лед,
Неожиданно канет.

Или еще:

Я опять безразличный, безвольный,
Грежу в сумерках на диване скомканном...

Безвольный в стихах, но изобретательный в жизни, он был избран заместителем Всероссийского союза поэтов (председатель Брюсов). В январе 1922 года добился заграничной командировки и отбыл в Берлин, покинув родину навсегда.

За границей Кусиков сразу занял резко антиэмигрантскую позицию, неустанно декларировал свою преданность революции, вызывая этим негодование в эмигрантской печати. С гордостью Кусиков сообщал Брюсову, что получил в эмигрантских кругах кличку «чекист». Много писал, редактировал, издавал. В 1923-м переехал в Париж и официально заявил, что с имажинизмом он закончил: «вырос... мне с ними не по дороге».

В письмах на родину он неоднократно сообщал о своем скором возвращении – «до тошноты надоела эмиграция». Но отъезд все время откладывал. «Тысячу раз я собирался и столько же раз разбирался...» Жена Кусикова Вера не хотела возвращаться. К началу 30-х годов Кусиков порвал с литературой. Скончался 20 июля 1977 года.

Гоголь милый,
Рассей мои сумерки...

– писал Кусиков в далеком 1919 году. Сумерки перешли в вечную ночь в прекрасном городе Париже.

* * *

Из мелких писателей кроме Кусикова можно вспомнить Марка Абрамовича Леви, писавшего под псевдонимом **М. Агеев** и прогремевшего своей во многом биографической книгой – «Роман с кокаином» (1935) – о том, как еще до революции школьник превратился в наркомана.

Леви-Агеев эмигрировал из России в Берлин в 1920 году и закончил свою жизнь в Стамбуле. Во время перестройки в СССР «Роман с кокаином» был переиздан.

Если Леви был полумифической личностью, то **Евдокия Нагродская** (1866, Петербург – 1930, Париж) – личность примечательная. Дочь знаменитой Панаевой, возлюбленной Некрасова и держательницы литературного салона. Сама Нагродская стала писательницей: выпустила несколько романов, сборников рассказов, лучший – «Река времени», вышедший в Париже. В своих романах пропагандировала идеи эмансипации. В романе «Гнев Диониса» описывала все виды любви, включая гомосексуальную. В начале 1920 года Евдокия Нагродская покинула Россию.

Упомянем еще одного писателя – **Ивана Новгород-Северского** (Ян Пляшкевич). Поэт, прозаик. Детство провел на Амуре и в молодости много путешествовал по всей Сибири – верхом и с почтовыми каретами. Сражался в Белой армии с большевиками. Эмигрировал около 1920-го. В эмиграции написал много книг, в том числе огромный сборник «Моя Сибирь». Христианство у него сочетается с мистикой и сибирским фольклором. Умер Новгород-Северский 10 июля 1969 года под Парижем.

Сколько уехавших, покинувших Россию не по своей воле, а из-за сложившихся обстоятельств. Уехали Вернадские – отец и сын. Об отце, **Владимире Вернадском**, ученом с мировым именем, расскажем позднее в главе «Возвращенцы» – он вернулся в СССР. А вот его сын – **Георгий Владимирович Вернадский** (1887, Петербург – 12 июня 1973, Нью-Йорк) – так и остался на Западе.

Георгий Вернадский окончил Московский университет, учился у Ключевского, Готье, Кизеветтера и других выдающихся историков. После февраля 17-го работал лектором в Петроградском университете. В октябре встал на сторону белых и в Гражданскую войну занимал пост начальника отдела печати в армии Врангеля. После разгрома белых 1 ноября 1920 года отплыл в Константинополь. Сначала Афины, потом Прага, профессор Русского юридического университета. С 1927 года жил и работал в США и именовался Джордж Вернадский. Преподавал во многих престижных американских университетах. Одна из первых зарубежных работ – «История России», затем уже российская история во многих темах. Джордж Вернадский – один из пропагандистов евразийской идеи (концепция единства между Европой и Азией).

После возвращения отца на родину тревожился за родителей. Последний раз Георгий (Джордж) встречался с ними в Европе осенью 1936 года. В 1944 году получил разрешение приехать в Советский Союз, чтобы повидаться с отцом, но перед самым отъездом узнал о его смерти... Выйдя на пенсию, Вернадский-сын работал над воспоминаниями и над рукописью о патриархе Никоне.

Еще один ученый-эмигрант – **Георгий Давыдович Гурвич** (Жорж, 1894, Новороссийск – 1965, Париж). Социолог. Философ. В 1920-м защитил докторскую диссертацию в Петроградском университете на тему «Руссо и Декларация прав». Защитил, оглянулся вокруг, увидел, что в советской России прав-то у граждан нет, и в том же 20-м эмигрировал в Чехословакию. С 1929 года жил во Франции. В 1936–1948 годах профессор социологии в Страсбурге. В 1932-м вышла его книга «Идея социального права». В 1934-м уехал в США и работал в различных учреждениях социальных исследований. После войны вернулся во Францию и профессорствовал в Сорбонне. Признанный авторитет в социологии. Кавалер ордена Почетного легиона. Умер 10 декабря 1965 года в возрасте 71 года.

Были и другие ученые, покинувшие Россию, но я, собирая книгу, отдавал предпочтение представителям иных областей. К примеру, **Анатолий Максимович Гольдберг** (1910, Петербург – 1982, Лондон). Эмигрировал с родителями ребенком после большевистского переворота в начале 20-х годов в Берлин. После захвата власти фашистами пришлось Гольдбергу перебираться в Англию. В 1983-м – сотрудник радиостанции Би-Би-Си, один из основателей Русской службы новостей. Снискал популярность своими регулярными комментариями на рус-

ском для слушателей в Советском Союзе. Я сам в те давние годы с интересом слушал хриловатый голос Анатолия Максимовича и сквозь помехи и хрипы радиоприемника вникал в другую «правду», отличную от отечественной. А еще Гольдберг написал биографию Эренбурга, которую я, увы, не читал...

А в заключение вспомним строки Александра Галича, написанные в декабре 1970-го:

Я запер дверь (ищи-свищи!),
Сижу, молю неистово:
– Поговори! Поклеветчи —
Родной ты мой, транзисторный!
По глобусу, как школьник,
Ищу в эфире путь:
– Товарищ-мистер Гольдберг,
Скажи хоть что-нибудь!..
Поклеветчи! Поговори!
Молю, ладони потные,
Но от зари и до зари
Одни глушилки подлые!
Молчит товарищ Гольдберг,
Не слышно Би-Би-Си,
А только песня Сольвейг
Гремит по всей Руси!
Я отпер дверь, открыл окно,
Я проклял небо с сушею —
И до рассвета все равно
Сижу – глушилки слушаю.

А теперь вспомним «рыбу» покрупнее: в 1925 году нелегально вернулся в СССР писатель и террорист Борис Савинков. В 1928-м сбежал на Запад приближенный к Сталину Бажанов. А через год, в 1929-м, из страны был выдворен, депортирован Лев Троцкий, который на пару с Лениным и заварил октябрьскую кашу – большевистский контрпереворот.

* * *

Возможно, читатель, читая или скользя по страницам, думает: ну, очень все так дробно, коротко, куце написано, а нельзя ли побольше? Пообъемнее, с разными деталями и даже пикантно-остренькими подробностями? Что ж, можно. Иду навстречу и предлагаю эссе о Борисе Савинкове в жанре мини-ЖЗЛ.

Борис Савинков – всадник революции

*Холодный рот. Щеки бесстрастной складки
И взгляд из-под усталых век...
Таким тебя сковал железный век
В страстных огнях и бреде лихорадки.
В прихожих Лувра, в западнях Блуа,
Карандашом, без тени и без краски
Клуэ чертил такие ж точно маски
Времен последних Валуа.
Но сквозь лица пергамент сероватый
Я вижу дали северных снегов,
И в звездной мгле стоит большой, сохатый
Унылый лось – с крестом между рогов.
Таким ты был. Бесстрастный и мятежный —
В руках кинжал, а в сердце крест;
Судья и меч... с душою снежно-нежной,
На всех путях хранимый волей звезд.*

Максимилиан Волошин. «Ропшин», 20 декабря 1915, Париж

Ропшин – это литературный псевдоним Бориса Савинкова. Прозаик, поэт, мемуарист, но главная ипостась – революционный деятель, один из лидеров партии эсеров, организатор многих террористических актов. Личность яркая и сложная. Савинков неизменно попадает в книги о рыцарях террора и о героях и антигероях отечества. Сплошное pro и contra.

Изменения (считай: характеристики) Александра Куприна:

«Сама природа, точно по особому заказу, отпустила на него лучший материал, из которого лепятся ею авантюристы и конквистадоры: звериную находчивость и ловкость; глазомер и равновесие; великое шестое чувство – чувство темпа, столь понимаемое и чтимое людьми цирка; холодное самообладание наряду почти с безумной смелостью; редкую способность обольщать отдельных людей и гипнотизировать массы; инстинктивное умение разбираться в местности, в людях и в неожиданных событиях.

Трудно определить, во что верил и что признавал Савинков. Гораздо проще сказать, что он не верил ни в один авторитет и не признавал над собой никакой власти. Несомненно, в нем горели большие вулканы честолюбия и властолюбия. Тщеславным и надменным он не был.

...Я видел Савинкова впервые в 1912 году в Ницце. Тогда я залюбовался этим великолепным экземпляром совершенного человеческого животного! Я чувствовал, что каждая его мысль ловится послушно его нервами и каждый мускул мгновенно подчиняется малейшему намеку нервов. Такой чудесной машины в образе холодно-красивого, гибкого, спокойного и легкого человека я больше не встречал в жизни, и он неизгладимо ярко оттиснулся в моей памяти» (А. Куприн. «Выползень»).

Родители. Детство. Юность

Борис Викторович Савинков родился 19 (31) января 1879 года в Харькове. Детство и юность провел в Варшаве, где служил его отец Виктор Михайлович Савинков, потомственный дворянин, чиновник Министерства юстиции, товарищ прокурора окружного военного суда. Поляки называли его «честным судьей», а это было высокой похвалой – в Польше действовал целый легион русских, не блиставших ни честью, ни честностью, а имевших лишь одну цель:

подавить, принизить, русифицировать царство Польское, за что им поляки платили ненавистью. А вот Савинкова-старшего уважали. Однако его подкосили собственные сыновья: сначала старший Александр, затем младший Борис. Александр вступил на путь революции и был сослан в Сибирь, где в 1904 году покончил жизнь самоубийством. По этой неровной дорожке пошел и младший сын... Любимшего право и закон отца это выбило из колеи. Он заболел, был отчислен со службы. Тронулся умом и попал под манию преследования, то и дело шептал в ужасе: «Жандармы идут... жандармы идут...». В возрасте 66 лет в 1905 году Савинков-старший умер в психиатрической больнице.

Мать Софья Александровна, сестра художника Николая Ярошенко (брат был ярким обличителем царских порядков; знаменитые картины «Кочегар», «Заключенный», «Всюду жизнь» и др.), оказалась более крепким орешком, чем ее муж. Не прогнулась и не сломалась. Дочь казачьего генерала, она окончила Петербургский институт благородных девиц и пристрастилась к литературному труду, писала под псевдонимом С. А. Шевиль. Однако ее пьесы «Анна Ивановна», «Загадки жизни» и другие успеха не имели. Серьезные перемены в ее жизни произошли, когда сыновья стали революционерами и она полностью поддержала их. С тех пор Софья Александровна стала, по определению одной журналистки, «матерью обреченных детей». Она специально пошла работать в Шлиссельбургский комитет, организованный в помощь политическим заключенным. В 1907 году была арестована и выслана из Петербурга за «вредную деятельность». В 1917-м ее чуть не расстреляли в Киеве, но ей удалось бежать в Варшаву, а затем и во Францию.

Умерла Софья Александровна 27 марта 1923 года в Ницце, в возрасте 68 лет. Она всегда поддерживала своего сына и гордилась его подвигами.

Из тюремного дневника Бориса Савинкова. Лубянка, 25 апреля 1925 года:

«В тюрьме время идет не так, как на воле. В тюрьме каждый день длинен, а оглянешься назад – как быстро прожили месяц, три месяца, полгода! Не оглянешься, будет июнь, а до вечера дожить – десять лет.

Когда была жива мама, я о ней думал, конечно. Даже заботился, как мог. Но теперь, когда она умерла, когда ее уже нет, мне кажется, что я вовсе не думал, вовсе не заботился, не пожалел ее старости, не сделал все, что было в силах. Как это огромно – мать... Мне 46 лет. А я горюю о матери. Она не была со мною нежна (кроме последних лет) и любила меня, наверное, меньше, чем Соню, чем Сашу, даже чем Русю. И покойного отца я любил больше, чем ее, при жизни. Но вот она умерла. Смерть отца, сына, брата, сестры, М.А., И.П. для меня меньше, чем ее смерть. О ней я думаю всегда...»

Но вернемся к началу жизни Бориса Савинкова. В день, когда ему исполнилось 8 лет, в 1897 году, умер Семен Надсон. Вряд ли тогда юный Савинков знал стихи поэта о его поколении, подавленном «тьмой, и рабством, и позором», и что «их участь – умирать в отчаянии немом». Со временем Савинков пойдет иной дорогой, не с плачем и страданием, как Надсон, а дорогой борьбы и террора и станет для молодежи своего поколения неким анти-Надсоном, человеком не рыдающих звуков, а человеком решительных и мужественных действий. Но это потом. А пока Борис Савинков спокойно – относительно спокойно – окончил 1-ю варшавскую гимназию, где учился вместе с Иваном Каляевым, да-да, с тем самым будущим бомбистом, который убил великого князя Сергея Александровича в 1905 году.

В 1897 году Савинков поступил на юридический факультет Петербургского университета, откуда через два года был исключен за участие в студенческих беспорядках.

1897 год стал для Бориса Савинкова в некотором роде рубежом: исключение из университета, женитьба на Вере Успенской (ему было 20 лет, а ей – 22), дочери Глеба Успенского. В конце года выезд за границу. Попытка продолжить образование в Берлинском и Гейдельбергском университетах. Но ни учеба, ни рождение двоих детей – дочери Татьяны и сына Виктора – уже не могут приостановить заданный вектор движения: борьба против ненавистного царского

режима, за идеалы свободы. Как Савинкова и других нетерпеливых молодых людей пьянили строки Некрасова:

За идеалы, за любовь
Иди и гибни безупречно.
Умрешь не даром. Дело прочно,
Когда под ним струится кровь.

Сначала идеи, а потом и кровь. Сначала социал-демократические цели, а затем практика терроризма – путь не одного Савинкова.

Первые шаги

За участие в социал-демократическом кружке и за основание группы «Социалист», близкой к Плеханову, Савинков был заключен на несколько месяцев в Петропавловскую крепость, где, кстати, написал юношески незрелый рассказ «Теням умерших» о переживаниях узника тюрьмы – это была его первая публикация в печати.

В начале 1902 года Савинков был выслан в Вологду, откуда бежал в Женеву, где вступил в боевую организацию партии эсеров, готовящую политические убийства. Там, в Женеве, и познакомился Павел Иванович (партийная кличка Савинкова) и Николай Иванович (Азеф). Начинаящий террорист и весьма искушенный мастер и организатор террора.

Еще в вологодской ссылке Луначарский подметил, что Савинков человек «несомненно находчивый и смелый, самовлюбленный и жаждущий авантюры». В Женеве Евно Азеф увидел в Савинкове не только определенную целеустремленность к риску, но и его фанатичность. «Такой пригодится», – подумал Азеф и поручил Савинкову пробное задание – создать группу боевиков и организовать теракт. С этим заданием Савинков и отбыл в ноябре 1904 года в Петербург...

С 1903 года по сентябрь 1917-го Савинков – эсер, один из создателей боевой организации партии эсеров, сподвижник и помощник Азефа, отношения с которым были непростыми и претерпевали разные периоды, от обожания до ненависти. Как-то Азеф сказал про Савинкова: «Павел Иванович чересчур импрессионист, чересчур несдержан и неровен для такого дела, как руководство террором». Бытовало мнение, что Савинков – всего лишь порождение Азефа, что «без Азефа Савинков не тот, что при Азефе... пустоцвет».

Теракты

Взглянем на теракты, на кровь, на революцию глазами поэта, и поэта изысканного – у Владимира Набокова есть стихотворение под названием «Революция». Вот оно.

Я слово длинное с нерусским окончанием
нашел нечаянно в рассказе для детей,
и отвернулся я со странным содроганьем.
В том слове был излив неведомых страстей:
рычанье, вопли, свист, нелепые виденья,
стеклянные глаза убитых лошадей,
кривые улицы, зловещие строенья,
кровавый человек, лежащий на спине,
и чьих-то жадных рук звериные движенья...
А некогда читать так сладко было мне

о зайчиках смешных со свинками морскими,
танцующих на пнях весной, при луне!
Но слово грозное над сказками моими,
как буря, пронеслось! Нет прежней простоты;
и мысли страшные ночами роковыми
шуршат, как старые газетные листы!

Одним из самых громких террористических актов, проведенных под руководством Савинкова, было убийство министра внутренних дел России Вячеслава Плеве. Его обвиняли во многом, в частности в организации кишиневского погрома в 1903 году. На Плеве покушались несколько раз. Роковым оказалось пятое покушение 15 июля 1904 года. Савинков все продумал, организовал и задействовал. Бомбу в министра бросал Егор Сазонов. Плеве убило на месте, смертельно ранило кучера (бронированных автомобилей тогда не было). Кроме этого, было ранено 12 посторонних людей, находившихся поблизости от места покушения. Сам террорист тоже пострадал, был контужен; когда Сазонов очнулся, то закричал: «Да здравствует социализм!»

Другие покушавшиеся на разных отрезках пути Плеве – Каляев, Боришанский и Сикорский – свои бомбы утопили в воде после того, как убедились, что попытка Сазонова удалась. Савинков направился к истекающему кровью Сазонову. «Ко мне подошел бледный, с трясущейся челюстью, полицейский офицер. Слабо махая руками в белых перчатках, он растерянно и быстро заговорил:

– Уходите... Господин, уходите...»

Борис Савинков ушел, а Сазонова судили и послали на каторгу, где он покончил с собой, приняв яд и оставив прощальное письмо: «Прошу и умоляю товарищей не подражать мне, не искать слишком быстрой смерти!...»

Сазонов погиб, а организаторы убийства министра Плеве – Азеф и Савинков – избежали наказания, но при этом прибавили на свой счет дополнительные дивиденды и очки популярности среди революционеров.

Второе громкое дело – убийство великого князя Сергея Александровича, генерал-губернатора Москвы. Бомбу хранила боевичка Дора Бриллиант, бросал Иван Каляев (другие боевики отказались), а руководил всеми действиями Борис Савинков. Его арестовали в Севастополе за причастность к очередному теракту.

Савинкову грозила смертная казнь. ЦК партии эсеров решил его спасти, была выделена солидная сумма денег, и тут же был подкуплен необходимый человек из охраны. Операция побега удалась, и Савинков из Севастополя попал в Румынию, а потом и в Швейцарию.

Тут следует отметить, что Савинков мучился и метался между добром и злом. Азеф не мучился и не метался: он был целиком за чертой зла. Он поклонялся только выгоде, мамоне. Презирая принципы и ценя лишь наживу, он был по существу предателем и провокатором и, заключив сделку с царской охранкой, сводил на нет всю террористическую деятельность эсеров, выдавая полиции боевиков поодиночке и пачками. Он и Савинкова сдал, только тому повезло избежать беды.

Спад и усталость

Разоблачение Азефа (это отдельная тема), гибель многих боевиков и ощущение общего проигрыша в борьбе стали причиной долгого депрессивного состояния Бориса Савинкова. В письме коллеге по террору Марии Прокофьевой он иронически задает вопрос: дописывать ли ему прежнюю картину его жизни или «выбросить всю эту мазню в печь, а самому уехать в

Бразилию пасти быков, или на Северный полюс, к доктору Куку, или в лоно нашего праотца Авраама».

В 1911 году Савинков уезжает во Францию. Замыкается в кругу семьи, состоящей из второй жены Евгении Зильбер-берг (по первому браку Сомовой) и невестки жены с малолетней дочерью. Затем к ним присоединилась угасающая от туберкулеза Прокофьева. Савинков постоянно винит себя как руководителя боевой организации, что не смог должным образом организовать работу. «У меня иногда такое чувство, что я гнуснейшая бездарность. Тогда я не могу спать, не могу думать, не могу говорить», – пишет он Прокофьевой.

«Меня мучит совесть. Мучит за все несчастья и неудачи. Вся вина лежит, конечно, на мне. Не формальная только вина, гораздо хуже: я разбил корабль о подводные камни, как плохой кормчий, нерадивый и недальновидный», – делится Савинков с Прокофьевой своими горькими мыслями. Прокофьева поддерживает Савинкова, утешает и внушает новую надежду: «Завтра начнем все снова. Но сегодня нужно поставить точку».

В январе 1911 года Савинков сообщает Прокофьевой: «Я, кажется, совсем оглупел, обесилел, гожусь разве что на растопку. А кроме того, писать хочется. Знаете, я вдруг возьму и буду писать». Сказал и сделал: в этот период своего «инвалидного существования» (выражение Прокофьевой) Савинков начал работу над романом «То, чего не было».

Эмигрантская жизнь – горькая жизнь. Скрашивало ее посещение парижской квартиры Зинаиды Гиппиус и Дмитрия Мережковского. Игра в рулетку, рестораны и «веселые дома» – и все это в поиске тех ярких, неповторимых ощущений и всплесков адреналина, которые испытывал, организовывая теракты. Роль будоражащего адреналина играла для Савинкова и литература. В «Коне бледном» он выразил разочарование террориста Жоржа: «Сегодня как и завтра, и вчера как и сегодня. Тот же молочный туман, те же серые будни. Та же любовь, та же смерть. Жизнь как тесная улица: дома старые, низкие плоские крыши, фабричные трубы. Черный лес каменных труб...»

И куда деваться?

После начала Первой мировой войны Борис Савинков вступил добровольцем во французскую армию, участвовал в боевых действиях, был военным корреспондентом. Его очерки и репортажи вошли в книгу «Во Франции во время войны».

Во Франции, в Приморских Альпах, Савинков закончил роман «То, чего не было». Книга вызвала много отрицательных отзывов. Леонид Андреев считал, что Савинков «запакостил» революционера – «святого героя» и что ему противен «этот кающийся бомбист».

В 1913 году в Ницце Савинков написал продолжение повести «Конь бледный» – повесть «Утром я подхожу к окну...», где главный герой – «безработный террорист». Та же тема варьировалась и в стихах Савинкова. О них Владислав Ходасевич сказал уничтожающе: «Трагедия террориста низведена до истерики среднего неудачника». Георгий Адамович добавил: «Обмельчавший байронизм». От дальнейшей деградации Савинкова спасла революция.

1917 год

Семнадцатый год Савинков встретил с ощущением «перебитых крыльев» и что ему больше не придется летать. Но грянул 1917-й, произошла Февральская революция, и Савинков как будто вновь обрел крылья. 9 апреля он вернулся в Россию и снова появился на политической арене. В письме к Зинаиде Гиппиус он писал:

«Мне кажется, Россия на краю гибели... Партия меня бойкотирует за “патриотизм”, за Россию... Я стою на распутье и не знаю, куда идти, куда понесет течение. Писать, конечно, буду, но не сейчас. Сейчас одно – молитва за Россию. Именно молитва, ибо что я могу и что мы не можем? Абрам Гоц, Зензинов и др. утешают меня: “Все обстоит благополучно”, “все

образуется», – как, и с кем, и когда? Здесь – Ленин, там – немцы. Ленин и немцы, коммуна и Вильгельм – не значит ли это кровь?»

В июле 1917-го той же Гиппиус: «Я всей душой с Керенским... Окончить поражением войну – погибнуть. Не думаю ни о чем. Живу, т. е. работаю, как никогда не работал в жизни. Что будет – не хочу знать. Люблю Россию и потому делаю. Люблю революцию и потому делаю. По духу я стал солдатом, и ничего больше. Все, что не война, – далекое, едва ли не чужое. Тыл возмущает. Петроград издали вызывает тошноту...»

Прежде Савинков боролся, чтобы сбросить ненавистные цепи царизма, теперь появилась иная цель: сохранить новую Россию, не отдать ее в руки большевиков и иностранных интервентов, но первое явно опаснее и страшнее, чем второе. И Савинков – весь в борьбе и водовороте дел. В дневнике Корнея Чуковского есть маленький пассажик. 23 июля Корней Иванович пришел к Кропоткину. «В розовой длинной кофте – сидит на веранде усталая Александра Петровна (дочь князя Петра Кропоткина. – Ю.Б.) – силится улыбнуться и не может. – “О! я так устала... Зимний дворец... телефоны... О! в четыре часа звонила, искала Савинкова – нет нигде...”» И далее:

«– А как вам показался Савинков?

– Хулиган.

Я запротестовал. Савинков мне показался могучим, кряжистым человеком с сильной волей. Недаром он был столько лет во Франции, он истинный тип французского революционера».

Хулиган? Это глупое и неверное определение. Савинков был борцом за новую Россию. Временное правительство назначило его комиссаром 8-й армии, затем комиссаром Юго-Западного фронта. Чернов называл Савинкова главнокомандующим, но Савинков не уговаривал, а прямо призывал продолжать войну до победного конца.

Генерал Антон Деникин отмечал, что Савинков «составлял исключение» среди комиссаров, «знал законы борьбы», «более твердо, чем другие, вел борьбу с дезорганизацией армии». «Сильный, жесткий, чуждый каких бы то ни было сдерживающих начал “условной морали”; презирающий и Временное правительство, и Керенского; поддерживающий правительство, но готовый каждую минуту смести его, – он видел в Корнилове лишь орудие борьбы для достижения сильной революционной власти, в которой ему должно было принадлежать первенствующее значение» (А. Деникин. *Очерки русской смуты. Февраль – сентябрь 1917*).

Вот таким видели Савинкова его политические оппоненты. Уинстон Черчилль, лично знавший Бориса Савинкова, дал ему место в своей книге с выразительным заглавием «Великие современники». Савинков, писал Черчилль, сочетал в себе «мудрость государственного деятеля, качества полководца, отвагу героя и стойкость мученика». Судя по дальнейшим событиям, британский премьер несколько завысил оценку Савинкова. Может быть, именно «государственной мудрости» и не хватало Борису Викторовичу, а может быть, мудрость не смогла переломить, переиграть ситуацию в России, ибо слишком много игроков село за карточный стол, чтобы выиграть большую ставку, сорвать куш под названием «Россия».

В «Черных тетрадах» 1917 года пронизательная Зинаида Гиппиус писала о трех главных фигурах 1917-го (а победителем вышел четвертый – Ленин!): Керенский, Корнилов, Савинков.

«Керенский. Человек не очень большой, очень горячий, искренний... Человек громадной, но чисто женской интуиции – интуиции мгновения. Слабость его также вполне женская. Его взметнуло вверх. И там ослепило... бессмысленные и беспорядочные прыжки. Направлено налево. Туда-сюда...»

«Корнилов. Это – солдат. Больше ничего. И есть у него только одно: Россия. Все равно какая. Какая выйдет. Какой может быть. Лишь бы была... Он верил, что Керенский любит Россию так же, как он, Корнилов...»

«Теперь третье лицо: Савинков. Умный, личник до само-божества, безмерно честолюбивый, но это уже другое, чисто мужское честолюбие. Вообще это только мужская натура, до такой степени, что в нем для политика чересчур много прямой гордости и мало интриганства...»

Октябрьскую революцию Савинков встретил враждебно, считая, что «Октябрьский переворот не более как захват власти горстью людей, возможный только благодаря слабости и неразумению Керенского». Савинков пытался освободить осажденный Зимний дворец, однако защищать Временное правительство отказался.

События менялись мгновенно, и в их итоге Савинков оказался на Дону, где вошел в состав Донского гражданского совета, сотрудничал с Добровольческой армией. Впоследствии на допросе свою позицию объяснял так: «Один бороться не мог. В эсеров не верил, потому что видел полную их растерянность, полное их безволие, отсутствие мужества. Кто же боролся? Один Корнилов. И я пошел к Корнилову».

А далее агония белых. В феврале 1918 года Савинков прибыл в Москву и организовал Союз защиты Родины и Свободы. Союз ставил целью свержение Советской власти, установление военной диктатуры, приглашение союзников, продолжение войны с Германией. Но в конце мая заговор был раскрыт. Тогда Савинков попытался организовать мятеж в Ярославле, и снова неудача. Какое-то время он находился в отряде Владимира Каппеля. А затем Директорией с военной миссией был отправлен во Францию доставать деньги на борьбу с Советами.

Краткий роман с Польшей

В биографическом словаре «Политические деятели России. 1917» (1993) сказано: «В антисоветских эмигрантских кругах Савинков играл ведущую роль, пользовался доверием и поддержкой враждебных Советской России политических деятелей Франции, Польши, Чехословакии и других стран. Во время Советско-польской войны в 1920 был председателем Русского политического комитета, участвовал в подготовке на территории Польши антисоветских отрядов под командованием Станислава Булак-Балаховича, совершавших оттуда рейды на советскую территорию. Один из таких рейдов лег в основу “панихиды по белому движению” – повести “Конь вороной” (Париж, 1923)».

В 1920 году Польша рассматривалась как передовой редут, который препятствовал распространению большевизма в Европе. Военная помощь Англии и Франции, по мнению Савинкова, давала уникальную возможность для продолжения антибольшевистской борьбы. Польский лидер Юзеф Пилсудский сделал ставку на Савинкова. В дневнике от 19 июля 1927 года Дмитрий Философов записывал:

«Спасение России от безбожников стало нашим священным долгом. Одна-единственная мысль преобразовалась в стержень нашего существования – мысль об уничтожении большевиков. Идея эта нас объединяла; через призму ее все наши мелкие разногласия и противоречия блекли и теряли значение...»

Однако в дальнейшем между Советской Россией и Польшей было заключено мирное соглашение, Русский политический комитет попал под запрет, а Савинков таким образом оказался вне закона. Польский роман закончился, так и не дав желаемого результата. В октябре 1921 года Борис Савинков был выслан из Польши.

В скитаниях по Европе

Жил в Праге, Лондоне, затем осел в Париже. Оказался в полной изоляции от русской колонии: эсеры не простили ему литературных разоблачений. И как признавался Савинков: «...я сел писать “Коня вороного”... отошел от всех дел и забился в щель». Основной сюжет

– поход осенью 1920 года на Мозырь, в котором Савинков командовал 1-м полком. Савинков ярко описал кровавую бойню того времени, когда «кровь до узд конских» затопила Россию.

И все же полного затишья не было. Дважды Савинков встречался с Бенито Муссолини, тогдашним вождем молодежного итальянского фашизма, пытался у него получить поддержку в борьбе с большевизмом. Увы, Муссолини было не до России, он решал свои итальянские проблемы. К тому же на Генуэзской конференции европейские страны признали Советскую республику, и борьба с ней вроде бы закончилась. Савинков с этим никак не хотел согласиться и продолжал придерживаться тезиса «Против большевиков хоть с чертом!». Именно на этом он сошелся с маститым русским литератором Александром Амфитеатровым.

Впервые они встретились в Праге и затем активно обменивались письмами, изливая друг другу свои больные эмигрантские души. Оба – и Амфитеатров, и Савинков – сошлись на мысли о демократии как болоте, о фашизме как единственной силе, способной отстоять Европу от гибели, о воле, призванной творить чудеса, и т. п. Оба были объаты всепоглощающим стремлением вернуть небывшее, «то, чего не было», но им казалось, что все же было. В своей переписке они часто обсуждали технические вопросы, где надо нанести удар по Советам, как вооружить войска, в каком количестве они необходимы и прочее.

16 марта 1923 года Савинков писал Амфитеатрову в итальянский город Леванто из Парижа: «...пятилетний опыт антибольшевистской борьбы убедил меня в том, что освобождение России может произойти и произойдет только усилиями самого русского народа и что всякая попытка иностранной интервенции обречена заранее на неудачу. Я могу грубо ошибаться (в России до сих пор свищет такая буря, что сам черт ногу сломит), но мне кажется, что единственное, что можно, а значит, и должно делать из-за границы, заключается в посильной помощи тому революционному антибольшевистскому процессу, который происходит в России... К сожалению, большинство наших эмигрантов, царистов и нецаристов одинаково, занимаются не революционным делом, а эмигрантской политикой, иностранцы же судят о России как о развесистой клюкве...»

Савинков об эмиграции в письме от 7 июля 1923-го: «Не знаю, чего хочет Россия – республики или монархии, но знаю, что огромное большинство монархистов – люди конченные, без воли, без разума, способные только на отрицательную работу мелкого калибра: подсиживать, ловчиться, подуськивать, клевать и т. д.»

22 ноября того же года: «Бьюсь в стенку лбом. Занятие, вызывающее в Париже презрительную усмешку: “Разве можно что-либо сделать?” А я по опыту знаю, что стенки лбом прошибаются, и именно непременно лбом...»

21 декабря Савинков – Амфитеатрову: «Здесь тишь да гладь. Гурки (Владимир Гурко, политический деятель из Госсовета. – Ю.Б.) громят больше большевиков, Милюковы талейранствуют. Собираюсь уезжать. Ищу денег... Ведь работаем на нищенские гроши подписными листами в России и кланчим здесь. Клянчишь, кланчишь, ну и выклянчишь франков тысячу, да и то едва ли не с матерщиной: “Какая же теперь борьба? Теперь надо ждать”. И ждут – в кабаках. А в этих кабаках русские женщины на ролях хористок или, как говорил Г. И. Успенский, “артисток”. “Катка, очень весело вчера было?” И иногда оторопь берет: неужели работаю вот для этих всех сволочей?..»

Амфитеатров – Савинкову из Леванто, 29 февраля 1924 года: «...Плюньте Вы с высокого, но зеленого дуба на Зинаиду, Авсентьева и пр., выдающих Вам диплом на “авантюриста”, что, по-видимому, Вас огорчает и раздражает. Охота же! По-моему, попрекать русского политического деятеля авантюризмом в переживаемое время значит выдавать расписку в собственной глупости и тупости. Было бы побольше “авантюристов”, так Троцкий не командовал бы Красной армией, Каменев и пр. не сидел бы в Кремле...»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.